КНИГА ПЕРВАЯ

ХРОНИКИ МАРТИНА АЙЗЕНА



Яронгов Денис

Денис Яронгов

Хроники Мартина Айзена. Книга первая

«Автор»
2026

Яронгов Д. А.

Хроники Мартина Айзена. Книга первая / Д. А. Яронгов — «Автор», 2026

Осень 1905 года. Двадцатидвухлетний Мартин Айзен приезжает в Гёттинген вместе с инспектором Артуром Беннеттом. Впереди его ждёт первое серьёзное расследование, которое станет началом совершенно новой жизни.Мир, в который он попадает, оказывается сложнее, чем кажется на первый взгляд. За пропавшими людьми, странными обстоятельствами и чужими тайнами скрываются не только загадки, но и человеческие судьбы, в которых далеко не всегда можно отличить правду от удобной версии.Мартину предстоит учиться наблюдать, сомневаться, признавать собственные ошибки и понимать, что даже самая убедительная догадка ещё не является доказательством.Эта первая книга цикла «Хроники Мартина Айзена», история о первых шагах будущего знаменитого сыщика, о цене истины и о том, как рождается человек, чьё имя однажды станет известно далеко за пределами одного расследования.

© Яронгов Д. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть первая. Воскресный визит 7
Часть вторая. Вопрос, который долго не задавали 13
Часть третья. Человек до имени 19
Глава первая 24
Часть первая. Город за железнодорожным окном 25
Часть вторая. Человек, которого не нашли 30
Часть третья. Следы на чужой земле 36
Часть четвёртая. Комната, в которой всё осталось на своих местах 42
Глава вторая 48
Часть первая. Книжная лавка господина Фогеля 49
Часть вторая. Тишина университетской библиотеки 54
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Хроники Мартина Айзена. Книга первая

История человека, который всю жизнь искал истину и слишком поздно понял, что некоторые истины невозможно исправить.

Пролог

Лондон. Ноябрь 1932 года.

Часть первая. Воскресный визит

Зима в том году пришла в Лондон без объявления войны.

Ещё неделю назад город по утрам пах мокрой листвой, конским навозом и угольным дымом, а в полдень, если облака ненадолго расходились, на западных фасадах домов можно было заметить тусклое, почти осеннее золото. Теперь же холод окончательно прибрал улицы к рукам. Он проникал под воротники, пробирался сквозь шерстяные перчатки, заставлял кучеров прятать подбородки в шарфы, а прохожих - ускорять шаг, словно каждый из них опаздывал в место, где было теплее.

Воскресенье, двадцать седьмое ноября, выдалось сырым и пасмурным. Ночью прошёл дождь, и к утру мостовые покрылись тонкой плёнкой воды, отражавшей фонари, вывески и серые стены домов. Небо над Лондоном висело низко. Из труб тянулся дым, смешиваясь с туманом, и дальние здания постепенно теряли очертания, будто город медленно стирали с листа грязной промокательной бумагой.

На Грейт-Ормонд-стрит было тихо.

Не безлюдно - Лондон никогда не умел быть по-настоящему безлюдным, - но воскресная улица жила в особом ритме. Редкие экипажи проезжали по мокрому камню, колёса шуршали по воде, а из-за закрытых окон доносились приглушённые звуки домашней жизни: звон посуды, детский плач, чей-то смех, обрывок разговора. Иногда хлопала дверь, и на несколько секунд в сыром воздухе оставался запах горячей еды.

В одном из домов, за высокими окнами второго этажа, горел камин.

Мартин Айзен стоял перед ним, держа в руке кочергу, и с сосредоточенностью человека, которому доверили куда более важное занятие, поправлял полено. Дерево раскололось с сухим треском. Из-под него вырвался сноп искр, несколько мгновений покруживших в воздухе, прежде чем погаснуть на чёрной решётке.

Айзен отступил на шаг, оценил результат и положил кочергу на подставку.

Камин горел недостаточно ровно.

Он заметил это сразу, однако возвращаться к поленьям не стал. В последнее время Мартин всё чаще обнаруживал, что способен оставить некоторые вещи несовершенными. Раньше подобная мысль показалась бы ему нелепой. Если предмет можно было поставить ровнее, вывод - проверить повторно, а страницу - переписать без единой помарки, он не видел причины останавливаться на удовлетворительном результате.

Теперь причины иногда находились.

Не всегда он мог объяснить их словами. Впрочем, не всё, чему человек учится за долгую жизнь, обязательно нуждается в объяснении.

Он снял с каминной полки часы, проверил время и вернул их на прежнее место.

До прихода Томаса оставалось двенадцать минут.

Мартин посмотрел на часы ещё раз, словно стрелки могли за прошедшую секунду изменить своё мнение, после чего направился к чайному столику.

Столик стоял у окна, возле которого в холодные дни всегда собирался сквозняк. На нём были расставлены три чашки, блюдце с сахаром, маленький молочник и фарфоровый чайник с тёмно-синей каймой. Рядом лежала ложка, выровненная параллельно краю столешницы. На соседнем стуле лежала сложенная газета, оставленная там утром.

Айзен взял её, пробежал глазами заголовки и отложил обратно.

Ничего, что заслуживало бы внимания.

Политики спорили о том, о чём спорили всю предшествующую неделю. Биржа демонстрировала признаки беспокойства. На юге страны произошло ограбление, которое редактор

счёл достойным первой полосы местного выпуска. В одном из лондонских театров готовилась премьера, а некий господин, чьё имя Мартин прежде не встречал, опубликовал книгу, обещавшую перевернуть представления читателей о человеческой природе.

Последнее утверждение показалось ему особенно смелым.

Айзен закрыл газету.

На письменном столе, у противоположной стены, лежали три раскрытые папки. Одна относилась к давнему делу, вторая содержала газетные вырезки, третья была почти пуста. Он собирался заняться ими после обеда, однако с самого утра обнаруживал, что его внимание то и дело возвращается к окну.

Точнее, к дороге за ним.

В воскресные дни Томас Грейвз обычно появлялся между одиннадцатью и половиной двенадцатого. Он никогда не приходил минута в минуту: иногда задерживался из-за работы, иногда из-за Маргарет, которая, по словам самого Тома, обладала удивительным талантом находить необходимость в самых неожиданных приготовлениях. Однажды причиной опоздания стала потерянная перчатка. В другой раз - соседка, решившая сообщить Маргарет обстоятельства семейной ссоры, произошедшей, как выяснилось впоследствии, за три дома от неё и почти месяц назад.

Айзен тогда заметил, что Томас выслушал рассказ с таким видом, словно лично расследовал убийство.

Маргарет, в свою очередь, заявила, что некоторые люди нуждаются в слушателе гораздо сильнее, чем в следователе.

Мартин не стал спорить.

С тех пор он предпочитал не спрашивать, почему они задерживаются.

Он просто ставил на стол третью чашку.

Это стало привычкой, хотя Айзен не любил признавать за собой привычки, которые не мог объяснить практической необходимостью.

Он отошёл от окна и подошёл к письменному столу. На краю лежала трубка. Мартин взял её, повертел в пальцах и убрал обратно, не прикурив. Затем поправил рукав жилета, хотя тот сидел совершенно ровно, и прислушался.

Снизу донёсся звук закрывшейся двери.

Айзен посмотрел на часы.

До назначенного времени оставалось три минуты.

Он не улыбнулся, но выражение его лица немного смягчилось.

Томас, по крайней мере, всё ещё умел приходить раньше, чем обещал.

В дверь постучали.

Не робко, но и не так, как стучит человек, которому непременно требуется немедленный ответ. Два коротких удара, небольшая пауза, затем третий.

Мартин направился в прихожую.

Он не спешил. За годы работы он привык различать звуки, которые требовали немедленного внимания, и те, которым следовало предоставить возможность объясниться. Стук Томаса относился ко второй категории. Даже теперь, когда их отношения давно вышли за пределы обычного знакомства между наставником и учеником, Томас сохранял определённую осторожность перед дверью Айзена. Он не врывался в его жизнь без приглашения, хотя, вероятно, имел на это больше оснований, чем кто-либо другой.

Мартин отпер дверь.

На пороге стоял Томас Грейвз, закутанный в тёмное шерстяное пальто. Вода блестела на плечах его одежды, а на шляпе собрались мелкие капли дождя. Он держал в одной руке зонт, в другой - небольшую коробку, перевязанную бечёвкой.

За его спиной показалась Маргарет.

Она была одета в длинное пальто цвета тёмного вина, поверх которого лежал светлый шарф. Одну руку она держала на животе - не столько поддерживая его, сколько по привычке проверяя, удобно ли ей стоять. Беременность уже нельзя было скрыть свободным кроем одежды, хотя Маргарет, судя по всему, не испытывала ни малейшего желания скрывать её от мира.

В её лице появилась новая мягкость, но не та, которую обычно приписывают будущим матерям в сентиментальных рассказах. Маргарет оставалась собой: взгляд был ясным, подбородок упрямо приподнятым, а выражение лица говорило, что она уже успела заметить три вещи, которые её не устраивали, и одну, которую она собиралась исправить.

- Доброе утро, Мартин, - сказала она.

- Доброе утро, Маргарет.

Айзен перевёл взгляд на Томаса.

- Вы опоздали на три минуты.

Том посмотрел на часы, висевшие в прихожей.

- Доброе утро и тебе.

- Я поздоровался.

- Ты сообщил мне о моём опоздании.

- Это не исключает приветствия.

Маргарет тихо рассмеялась и сняла перчатки.

- Я говорила ему, что ты начнёшь именно с этого.

- Ты говорила, что он посмотрит на часы, - уточнил Томас. - Это разные вещи.

- В данном случае разница несущественна.

- Разница между предсказанием и наблюдением, - заметил Айзен, принимая у него зонт, - иногда составляет основу целого расследования.

Томас посмотрел на него с выражением человека, который слишком хорошо знает своего собеседника, чтобы принимать подобные замечания всерьёз.

- Я скучал по нашим воскресным разговорам.

- Мы виделись в прошлое воскресенье.

- Именно поэтому я сказал «разговорам», а не «тебе».

Маргарет покачала головой.

- Вы оба невыносимы.

- Мы стараемся поддерживать постоянство, - ответил Мартин.

Он отступил, пропуская гостей в прихожую.

В доме сразу стало теснее, хотя ни мебель, ни стены не изменили своего положения. Томас повесил пальто на вешалку, тщательно расправил его и поставил обувь рядом с дверью. Маргарет, сняв перчатки, посмотрела на лестницу, затем на коридор, словно оценивала расстояние, которое ей предстояло пройти.

Айзен заметил этот взгляд.

- Если вам неудобно подниматься, мы можем остаться здесь.

- Мартин, - произнесла Маргарет с той особой терпеливостью, которую обычно оставляла для людей, не замечавших очевидного, - я беременна, а не больна.

- Я не утверждал обратного.

- Но подумал.

- Я подумал, что лестница крутая, а половицы скользкие после дождя.

- И это, конечно, совершенно не связано с тем, что я беременна.

- Я не вижу необходимости связывать одно с другим, если можно рассмотреть оба обстоятельства отдельно.

Томас отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

Маргарет заметила и это.

- Не смейся. Когда-нибудь ты будешь объяснять ему, почему наш ребёнок не обязан жить по расписанию, составленному в его честь.

- Я уверен, что к тому времени у меня найдутся более важные обязанности, - сказал Томас.

- Например?

- Например, объяснять ребёнку, почему его мать считает, что весь мир должен подчиняться её желаниям.

Маргарет медленно повернула к нему голову.

- Томас.

- Да, дорогая?

- Отдай коробку Мартину.

Томас послушно протянул её Айзену.

- Что там? - спросил Мартин.

- Яблочный пирог, - ответила Маргарет. - Я испекла его вчера.

- Самостоятельно?

- Нет, Мартин. Я наняла небольшую бригаду кондитеров и руководила ими из соседней комнаты.

Айзен посмотрел на неё.

Маргарет выдержала его взгляд.

- Да, самостоятельно.

- Тогда полагаю, что мне следует выразить благодарность.

- Лучше съешь хотя бы один кусок.

- Это более сложное обязательство.

- Почему?

- Потому что благодарность не требует физического участия.

На этот раз рассмеялся даже Томас.

Маргарет, однако, не уступила.

- Я принесла пирог не для того, чтобы он украшал твой стол. Если ты не съешь хотя бы кусок, в следующий раз я принесу его Томасу, а тебе оставлю рецепт.

- Это угроза?

- Обещание.

Айзен посмотрел на коробку, затем на Маргарет.

- В таком случае я вынужден признать, что положение серьёзное.

- Наконец-то, - сказала она.

Они поднялись в гостиную.

Мартин шёл впереди, придерживая дверь, а Томас следовал за женой, внимательно наблюдая за тем, как она переступает через порог. Он делал это почти незаметно, но Айзен видел подобные перемены слишком хорошо, чтобы пропустить их.

Томас прежде всегда входил в помещение первым, если ему предстояло осмотреть незнакомое место. Он оценивал окна, двери, расположение мебели, иногда машинально отмечал возможные пути отхода. Теперь же он сначала смотрел, удобно ли Маргарет, не мешает ли ей ступенька, не придётся ли ей тянуться за чашкой, если она сядет у дальнего края стола.

Он не перестал быть детективом.

Просто теперь в его мире существовали обстоятельства, которые невозможно было разрешить одним лишь наблюдением.

Мартин не сказал об этом ни слова.

Он лишь отодвинул кресло поближе к камину.

Маргарет заметила.

- Спасибо.

- Здесь теплее.

- Я знаю.

Она села и положила руки на подлокотники, устраиваясь поудобнее. Томас занял кресло напротив, снял часы и положил их рядом с собой. Его взгляд задержался на письменном столе, где лежали раскрытые папки.

- Работаешь? - спросил он.

- Нет.

Томас посмотрел на папки.

- Разумеется.

- Я изучал материалы.

- Это и называется работой.

- Только в том случае, если материалы изучаются с определённой целью.

- А у тебя её не было?

Айзен подошёл к столику и взял чайник.

- У меня было несколько целей. Ни одна из них не требовала немедленного вмешательства.

- И всё же ты провёл за ними утро.

- Ты провёл утро, пытаясь найти перчатку, которая, как выяснилось, всё это время лежала в кармане твоего пальто.

Томас медленно поднял голову.

Маргарет закрыла глаза.

- Мартин, - сказала она, - я умоляю тебя. Не начинай.

- Я ничего не начал.

- Ты только что вернул разговор к событию, о котором Томас надеялся забыть.

- Тогда ему следовало не рассказывать мне об этом событии.

- Я рассказал тебе, потому что ты спросил, почему мы задержались в прошлый раз, - возразил Томас.

- Именно.

- Ты мог просто не спрашивать.

- Мог. Но тогда я бы не узнал о перчатке.

- И как это знание улучшило твою жизнь?

Айзен поставил чайник на подставку.

- Пока никак.

Маргарет рассмеялась снова - на этот раз свободнее, чем прежде. Смех её был негромким, но в нём не было ни вежливости, ни желания поддержать разговор. Она действительно находила их перепалку забавной.

Мартин посмотрел на неё, и на мгновение в его лице появилось выражение, которое Томас знал очень хорошо. Так Айзен смотрел на людей, когда забывал, что за ним наблюдают.

Не с подозрением. Не с расчётом.

С тихим удивлением человека, который обнаружил, что ему приятно находиться рядом с другими.

Это длилось недолго.

Мартин отвернулся к чайнику.

- Чёрный чай? - спросил он.

- Да, пожалуйста, - ответила Маргарет.

- Как обычно, - сказал Томас.

- Я не спрашивал тебя.

- Ты поставил три чашки.

- Наблюдательность, Томас, не следует путать с проницательностью.

- А привычку - с необходимостью.

Айзен на мгновение замер.

Затем продолжил разливать чай.

- В некоторых случаях, - произнёс он, - привычка является единственным доказательством того, что человек намерен продолжать жить.

Томас не ответил сразу.

Маргарет посмотрела на мужа, потом на Айзена. Она уловила перемену в разговоре, хотя не могла знать, какая именно мысль стояла за словами Мартина.

За окнами проехал экипаж. Колёса прошуршали по мокрой мостовой и постепенно стихли вдали.

Айзен поставил перед гостями чашки.

Свою он оставил у края стола, рядом с сахарницей.

Чай был горячим. От него поднимался тонкий пар, в котором смешивались запах заварки и лёгкая древесная горечь от камина. Маргарет обхватила чашку ладонями, согревая пальцы. Томас откинулся в кресле и впервые за весь визит перестал смотреть на часы.

Некоторое время они говорили о вещах, не требовавших ни осторожности, ни особенной памяти. Томас рассказывал о работе. Маргарет вспоминала знакомых, с которыми виделась на неделе. Мартин задавал редкие вопросы, чаще слушая, чем вмешиваясь.

Так проходили их воскресенья.

И, возможно, именно поэтому никто из троих не заметил, как обычный разговор постепенно приблизился к тому, ради чего этот день однажды должен был остаться в памяти.

К прошлому.

К человеку, которым был прежде, чем стал Мартином Айзеном.

Часть вторая. Вопрос, который долго не задавали

Чай успел немного остыть, прежде чем разговор окончательно перестал быть разговором о пустяках.

За окнами темнело. Ноябрьский день, и без того короткий, медленно сдавал свои позиции раннему вечеру. В стекле отражалась гостиная: камин, тяжёлые шторы, книжные шкафы, три человека за небольшим столиком. Время от времени отражение пересекала тень прохожего, и тогда на мгновение казалось, будто кто-то остановился на улице и заглядывает внутрь, стараясь понять, что происходит в доме.

Маргарет сняла перчатки и положила их рядом с блюдцем. Её пальцы, покрасневшие от холода, постепенно возвращали себе прежний цвет. Она держала чашку обеими руками, хотя чай уже не был настолько горячим, чтобы в этом имелась необходимость. В последние месяцы она всё чаще замечала за собой подобные мелочи: привычку устраиваться поудобнее, беречь силы, прислушиваться к собственному телу даже тогда, когда прежде не обратила бы на него никакого внимания.

Беременность незаметно перестраивала её жизнь вокруг человека, которого она ещё ни разу не видела.

Томас сидел напротив, откинувшись на спинку кресла. За прошедший год в нём появилось то спокойствие, которого прежде ему часто не хватало. Он больше не торопился заполнять каждую паузу словами и уже не считал необходимым доказывать Мартину, что способен самостоятельно прийти к правильному выводу. Иногда он по-прежнему говорил слишком быстро, особенно когда увлекался какой-нибудь мыслью, но теперь умел остановиться и выслушать ответ.

Мартин замечал эти перемены. Разумеется, замечал.

Он вообще редко пропускал изменения в людях. Просто прежде слишком часто полагал, что, заметив перемену, уже понял её причину.

- Ты сегодня подозрительно молчалив, - произнёс Мартин, глядя на Томаса поверх чашки.

Томас поднял глаза.

- Я могу сказать то же самое о вас.

- Можешь. Но в моём случае это будет наблюдением, а в твоём - попыткой уклониться от ответа.

Томас чуть улыбнулся и провёл пальцем по краю блюдца. В прежние времена он, вероятно, немедленно принялся бы спорить. Теперь же посмотрел на Маргарет, словно проверяя, заметила ли она ту же особенность в его поведении.

Она заметила. И, судя по выражению её лица, давно.

- Он всю дорогу сюда о чём-то думал, - сказала Маргарет. - На ступеньках даже перестал жаловаться на погоду.

- Я никогда не жалуюсь на погоду.

- Разумеется. Ты всего лишь подробно объясняешь, почему она невыносима, кто в этом виноват и что следовало бы сделать городскому совету.

Томас повернулся к ней с видом человека, которого несправедливо обвинили в преступлении, хотя у обвинения, как он прекрасно понимал, имелись свидетели.

- Это называется общественной ответственностью.

- Тогда у тебя необычайно развитое чувство общественной ответственности, особенно когда промокают ботинки.

Мартин негромко усмехнулся.

Смех его был коротким и почти беззвучным, но Маргарет посмотрела на него с удовлетворением. Ей нравилось, когда Томасу удавалось заставить Айзена улыбнуться. Не потому, что она считала Мартина несчастным человеком, которому необходимо было постоянно напоминать о существовании радости. Скорее, она знала, сколько усилий порой требовалось ему, чтобы позволить себе простое удовольствие, не пытаясь немедленно объяснить его причину.

Мартин поставил чашку на блюдце. Фарфор тихо звякнул.

- Итак, - сказал он, - раз погода невиновна, а Томас сегодня не намерен обсуждать городское управление, остаётся предположить, что у вас есть другая причина для визита.

- Мы приходим каждое воскресенье, - напомнила Маргарет.

- Именно. Поэтому отсутствие причины уже само по себе стало бы причиной для подозрений.

- Вы способны превратить даже семейный визит в допрос.

- Только если посетители ведут себя подозрительно.

- Тогда нам придётся быть осторожнее, - заметил Томас.

Он сказал это легко, почти шутливо. Однако, когда улыбка исчезла с его лица, Мартин увидел, что за ней действительно скрывается нечто, ради чего Томас весь день собирался с мыслями.

Айзен не стал подталкивать его.

Раньше он не любил ожидания. Если человек замолкал, Мартин стремился заполнить тишину вопросом. Если собеседник колебался, он искал причину колебания. Если тот выбирал слова слишком долго, Айзен начинал перебирать возможные ответы ещё до того, как слышал первый.

Ему казалось, что так он помогает разговору двигаться вперёд.

Позднее он понял, что иногда человек молчит не потому, что не знает, что сказать, а потому, что ещё не решил, имеет ли право это говорить.

И потому Мартин просто потянулся к чайнику.

- Ещё чаю?

Маргарет взглянула в свою чашку.

- Пожалуй, немного.

Он налил ей чай, стараясь не задеть носиком чайника край фарфора. Движение получилось точным, привычным. Затем он поставил чайник на подставку и вернулся в кресло.

Томас всё ещё молчал.

- Мартин, - наконец произнёс он.

В обращении не было ничего необычного. За последние годы Томас всё реже называл его «мистер Айзен», а после «Аксиомы» - это обращение и вовсе стало звучать между ними чужеродно. И всё же сейчас в голосе Томаса появилось нечто, заставившее Мартина отложить чашку.

- Да?

Томас посмотрел на Маргарет. Она слегка кивнула ему, но не стала вмешиваться.

- Мы хотели кое о чём вас спросить. Давно хотели, если говорить честно.

Мартин устроился глубже в кресле. На его лице не отразилось ни удивления, ни настороженности, однако пальцы, лежавшие на подлокотнике, на мгновение замерли.

- Выбирай выражения, Томас. Последний раз, когда ты начинал разговор подобным образом, мне пришлось провести несколько дней в компании людей, которые считали железнодорожное расписание более надёжным источником истины, чем собственные глаза.

- В этот раз железнодорожного расписания не будет.

- Уже обнадёживает.

- И расследования тоже.

- Тогда я начинаю беспокоиться ещё сильнее.

Маргарет тихо рассмеялась, но Томас не поддержал её. Он смотрел на Мартина с непривычной серьёзностью.

- Мы хотели попросить вас рассказать о себе.

Слова прозвучали просто. Даже слишком просто для вопроса, который Томас, по всей видимости, носил в себе уже не первый день.

Мартин не ответил.

За окном проехала повозка. Колёса прошуршали по мокрой мостовой, затем стук копыт постепенно растворился в шуме улицы. В камине осело полено, выбросив несколько искр. Одна из них поднялась над решёткой и погасла, не долетев до края очага.

- О себе? - переспросил Мартин.

- О вашей жизни. О том, каким вы были раньше. До всех известных дел. До Лондона, до Королевского общества, до того, как ваше имя стало известно людям, которые никогда с вами не встречались.

- Люди, которые никогда со мной не встречались, знают обо мне гораздо больше, чем следовало бы, - заметил Айзен.

- Они знают о ваших делах, - возразил Томас. - О том, как вы раскрывали преступления. Какие ошибки совершали другие. Как вы находили то, чего не замечал никто. Они знают ваши выводы, ваши методы, ваши победы.

Он немного подался вперёд. Кресло едва слышно скрипнуло под его весом.

- Но они не знают вас.

Мартин отвёл взгляд к камину.

На поверхности чайного столика лежала тонкая полоска света от лампы. Она пересекала деревянную столешницу и обрывалась у края старой папки, которую Айзен оставил здесь ещё до прихода гостей. На обложке не было ни названия, ни даты. Только небольшая потёртость в углу, возникшая от многолетнего прикосновения пальцев.

Мартин знал, что находится внутри этой папки.

Он помнил даже порядок листов.

Но сейчас его внимание привлекла не она, а отражение собственного лица в тёмном оконном стекле. Отражение было слабым и неровным: черты искажались из-за дождевых капель, и на мгновение ему показалось, что он смотрит на незнакомца.

- А кто, по-твоему, я? - спросил он.

Томас не ответил сразу.

Он мог бы перечислить всё, что знал: блестящий сыщик, человек с необыкновенной наблюдательностью, упрямый наставник, временами невыносимый собеседник. Он мог бы рассказать о расследованиях, которые изменили его собственную жизнь, и о том, как часто Мартин оказывался прав тогда, когда все остальные уже соглашались с удобной ложью.

Но ни одно из этих определений не отвечало на вопрос.

- Я знаю человека, который научил меня сомневаться в очевидном, - сказал Томас. - И человека, который однажды заставил меня понять, что сомнение тоже может стать ошибкой, если использовать его вместо решения.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями.

- Я знаю, что вы любите тишину, хотя сами редко позволяете другим спокойно в ней находиться. Знаю, что вы готовите чай для троих, даже когда уверены, что один из гостей не станет его пить. Знаю, что вы иногда оставляете письмо непрочитанным на несколько дней, если понимаете, что ответ на него изменит слишком многое. И знаю, что вы способны помнить мельчайшие подробности чужой жизни, но почти никогда не рассказываете о своей.

Мартин медленно повернул голову к нему.

В глазах Томаса не было ни жалости, ни любопытства, которое можно было бы принять за бесцеремонность. Он не пытался разоблачить старого друга. Не стремился добраться до какой-то тщательно спрятанной тайны, чтобы затем с удовлетворением объявить, что разгадал её.

Он просто хотел узнать.

И именно это оказалось труднее всего.

- Неплохой перечень наблюдений, - сказал Мартин.

- Я старался.

- Некоторые из них ошибочны.

- Я рассчитывал на это.

- Тогда зачем спрашиваешь?

Томас посмотрел на жену. Маргарет положила ладонь на живот и задумчиво провела большим пальцем по складке платья. Она не торопила его, но в её взгляде было то спокойное участие, которое помогало Томасу не отступать от вопросов, если он считал их важными.

- Потому что я знаю, каким вы стали, - ответил он. - Но почти ничего не знаю о том, каким вы были.

Мартин опустил глаза.

На этот раз он не нашёл ответа сразу.

Возможно, потому, что Томас был прав. А возможно, потому, что сам Айзен давно перестал разделять эти две вещи.

Человек, которым он был прежде, казался ему теперь не столько молодым собой, сколько кем-то, чью жизнь он когда-то наблюдал со стороны. Он помнил события, лица, улицы, запахи и голоса. Помнил даже некоторые собственные мысли с той неприятной ясностью, которая приходит к человеку, когда он перечитывает старое письмо и обнаруживает, что когда-то искренне верил в каждое написанное слово.

Однако воспоминание - не то же самое, что понимание.

Можно помнить каждую подробность произошедшего и всё равно не знать, почему поступил именно так.

- Вы хотите услышать историю моих расследований? - спросил Мартин. - Или историю моей жизни?

- Разве это одно и то же?

- Иногда мне казалось, что да.

- А теперь?

Айзен поднял взгляд.

- Теперь я не уверен, что мне следовало когда-либо их смешивать.

Томас ничего не сказал. Он только медленно кивнул, принимая ответ без попытки немедленно извлечь из него следующий вывод.

И Мартин вдруг понял, что именно этого ему и не хватало в прежних разговорах с молодым Грейвсом: не согласия, не восхищения и даже не доверия, а способности оставить вопрос открытым, не превращая его в задачу, которую необходимо решить немедленно.

За окном дождь усилился. Капли чаще застучали по стеклу, а огонь в камине, словно отвечая им, загудел чуть громче.

Маргарет осторожно поставила чашку на столик.

- Мы не просим вас рассказывать всё за один вечер, - сказала она. - И не просим объяснять то, о чём вы не хотите говорить. Просто… мне кажется, однажды наш ребёнок спросит, кем был наставник отца до того, как стал тем человеком, которого все знают.

Она произнесла последние слова негромко. Не как упрёк и не как попытку заставить Мартина согласиться. Скорее, как мысль, которая лишь сейчас обрела окончательную форму.

Потом Маргарет улыбнулась, немного смутившись собственной откровенности, и поправила край пледа на коленях.

- И мне бы хотелось знать, что я смогу ему ответить, если он когда-нибудь спросит, почему его отец так часто приезжает к одному старому сыщику и возвращается домой с выражением лица человека, которому только что поручили раскрыть ещё одно преступление.

- Это несправедливое описание, - заметил Томас.

- Ты возвращаешься именно с таким лицом.

- Потому что каждый раз он говорит что-нибудь, над чем приходится думать всю дорогу.

- Значит, я оказываю благотворное влияние на твою семейную жизнь, - сказал Мартин.

- Пока неясно, - ответила Маргарет. - Но мы готовы продолжить наблюдение.

Айзен улыбнулся.

На этот раз улыбка продержалась немного дольше.

Он посмотрел на Маргарет, затем на Томаса. Ему вдруг пришло в голову, что ещё несколько лет назад подобный разговор показался бы ему неуместным. Он решил бы, что прошлое не имеет отношения к нынешней жизни, если только не содержит улик, способных изменить ход расследования. Он мог бы назвать даты, перечислить места, объяснить обстоятельства, но не стал бы говорить о том, что чувствовал, чего боялся и в чём ошибался, когда никто ещё не знал имени Мартина Айзена.

Он назвал бы это ненужными подробностями.

Теперь он уже не был уверен, что подробности бывают ненужными.

Особенно если именно в них и заключается разница между человеком и его биографией.

Мартин протянул руку к чашке, но не поднял её. Несколько мгновений он смотрел на тонкую трещинку в глазури у самого основания ручки - трещинку, которую давно заметил и всё собирался заменить чашку, однако так и не сделал этого.

- Есть одна трудность, - сказал он наконец.

Томас выпрямился.

- Какая?

- Вы просите меня рассказать о человеке, которого сами никогда не встречали.

- Это и есть причина, по которой мы спрашиваем.

- Нет, Томас. Я имею в виду другое.

Мартин провёл большим пальцем по краю блюдца. В его голосе не было драматизма, и всё же теперь он говорил медленнее, словно каждое слово требовало от него отдельного решения.

- Я помню его достаточно хорошо, чтобы рассказать вам, что он делал. Но не уверен, что сумею рассказать, кем он был. Тогда я считал себя гораздо более разумным человеком, чем оказался на самом деле. Некоторые мои убеждения казались мне незыблемыми. Некоторые люди - понятными. Некоторые решения - единственно возможными.

Он ненадолго замолчал.

- И всё же почти каждое из этих убеждений со временем пришлось пересмотреть.

Томас осторожно сцепил пальцы. Он не отводил взгляда от Мартина, но больше не пытался приблизиться к нему словами. Впервые за вечер ему, кажется, стало ясно, что перед ним не просто человек, которому предстоит рассказать старую историю. Перед ним был человек, которому ещё предстояло решить, способен ли он сам эту историю услышать.

- Тогда расскажите нам то, что помните, - произнёс Томас. - А остальное мы оставим открытым.

Мартин посмотрел на него долгим взглядом.

Затем едва заметно кивнул.

Но говорить пока не стал.

Он поднялся, подошёл к камину и осторожно поправил щипцами полено, которое лежало слишком близко к краю решётки. Огонь на мгновение вспыхнул ярче, осветив его руку и край тёмного рукава. В комнате стало светлее, хотя за окнами уже почти окончательно наступил вечер.

- Мне понадобится немного времени, - сказал он, возвращаясь к креслу.

- Разумеется, - ответила Маргарет.

Она не спросила, сколько именно.

Томас тоже не стал задавать новых вопросов. Он только подвинул коробку с яблочным пирогом ближе к краю стола, освобождая место для чайника, и принялся развязывать узел на бечёвке. Бумага тихо зашуршала в его руках. На какое-то время разговор действительно вернулся к простым вещам: к пирогу, к дождю, к тому, что на следующей неделе Маргарет собиралась навестить знакомую, а Томас обещал помочь ей с покупками.

Мартин слушал их, иногда вставляя короткие замечания. Он даже попробовал кусочек пирога, хотя прежде утверждал, что после чая не испытывает голода.

Но вопрос остался в комнате.

Он больше не требовал ответа немедленно. Не давил на собеседников и не превращал вечер в исповедь. Просто находился рядом - между тремя чашками, потрескивающим камином и дождём за окнами, - словно гость, которого ещё не представили хозяину, но для которого уже приготовили место.

И Мартин, сам того не замечая, начал вспоминать.

Не дело в отеле. Не колледж. Не поезд, который увёз людей навстречу их собственным решениям.

Он вспомнил город, в котором когда-то оказался молодым человеком, ещё не знавшим, что однажды его имя будут произносить с уважением, раздражением и страхом.

Город, где всё началось задолго до того, как он научился отличать верный ответ от убедительного.

Гёттинген.

Часть третья. Человек до имени

Пирог оказался немного суше, чем ожидал Томас, и Маргарет немедленно обвинила в этом духовку.

Она говорила об этом с такой серьёзностью, будто речь шла не о выпечке, а о нарушении одного из основных законов природы. Томас, попробовав второй кусок, осторожно заметил, что пирог вполне хорош, после чего совершил ошибку, добавив, что в прошлый раз начинка получилась чуть нежнее.

Маргарет посмотрела на него.

- Ты хочешь сказать, что в прошлый раз он был лучше?

Томас замер с вилкой в руке. Он успел повидать достаточно человеческих уловок, чтобы понимать: некоторые вопросы опасны не потому, что на них трудно ответить, а потому, что любой ответ уже предполагает признание вины.

- Я хочу сказать, что оба пирога были превосходны.

- Но один из них был лучше.

- Я не проводил сравнительного исследования.

- Ты только что его провёл.

Мартин, сидевший напротив, с интересом наблюдал за происходящим. В его взгляде появилось то редкое выражение, которое Томас давно научился узнавать: Айзен не просто забавлялся, а внимательно следил за ходом разговора, отмечая каждое изменение интонации и каждый неосторожно выбранный аргумент.

- Томас, - произнёс он, - ты ведь понимаешь, что попытка уклониться от ответа только увеличивает число вопросов?

- К сожалению, теперь понимаю.

- Тогда я бы рекомендовал тебе немедленно признать, что первый пирог был лучше.

- Но ведь второй тоже хорош, - возразил Томас.

- Ты снова увеличиваешь число вопросов.

Маргарет рассмеялась, и Томас, наконец сдавшись, поднял руки в знак капитуляции. Несколько секунд в комнате звучал её смех - лёгкий, домашний, совсем не похожий на тот осторожный смех, которым люди иногда пытаются скрыть неловкость.

Мартин слушал их и чувствовал, как постепенно исчезает напряжение, возникшее после разговора о прошлом. Он не был человеком, которому легко давались признания. Даже теперь, когда Томас давно перестал быть для него просто способным молодым помощником, а Маргарет стала одной из немногих людей, чьё присутствие не требовало от него постоянной настороженности, Айзен всё ещё испытывал потребность держать определённую часть своей жизни за закрытой дверью.

Не потому, что считал её постыдной.

Скорее, он опасался, что, открыв дверь, обнаружит за ней нечто совсем иное, чем помнил.

Воспоминания обладают странным свойством. Пока они остаются внутри человека, он может менять расстояние между собой и прошлым, приближая одни события и отодвигая другие. Но стоит произнести их вслух, как они приобретают форму, которую уже нельзя так легко изменить. Появляется слушатель. Возникают вопросы. Иногда человек замечает, что давно рассказывает самому себе историю не совсем так, как всё происходило на самом деле.

Мартин посмотрел на Томаса.

Тот осторожно складывал бумагу от пирога, стараясь не испачкать скатерть крошками. Маргарет что-то говорила ему о покупках, которые они собирались сделать на следующей

неделе, и Томас отвечал, время от времени поглядывая на жену, словно боялся пропустить какое-нибудь важное замечание.

В этих простых движениях было столько уверенности, что Мартин невольно подумал о том, как мало знал о жизни, когда был примерно такого же возраста.

Он знал правила. Знал, как устанавливать последовательность событий, как проверять показания, как замечать противоречия в чужих словах. Умел часами разбирать чужие поступки, отделяя факты от предположений.

Но жизнь, как выяснилось, не всегда начиналась с преступления.

Иногда она начиналась с дороги, на которую человек ступал, не подозревая, что спустя много лет будет вспоминать её как границу между двумя разными существованиями.

- Вы когда-нибудь жалели, что стали сыщиком? - спросила Маргарет.

Вопрос прозвучал неожиданно.

Она, кажется, сама поняла это, едва произнесла последние слова. Её пальцы остановились на ручке чашки, и она чуть нахмурилась, словно собиралась добавить объяснение, но передумала.

Мартин не ответил сразу.

- Это зависит от того, о каком времени вы спрашиваете.

- О любом, - сказала Маргарет. - О самом начале. О том, когда вы только собирались выбрать эту дорогу. Или о том, что было потом.

Томас отложил вилку. Теперь он тоже слушал внимательно, хотя не пытался вмешиваться. Вопрос Маргарет оказался ближе к тому, что они обсуждали прежде, чем любой из них ожидал.

Мартин провёл ладонью по подлокотнику кресла. Дерево было гладким в тех местах, которых чаще всего касались пальцы, и слегка шероховатым у краёв. Он помнил, как много лет назад купил это кресло, почти не торгуясь с продавцом, потому что устал выбирать и хотел вернуться домой.

Тогда ему казалось, что усталость - достаточная причина для любого решения.

- Нет, - произнёс он наконец. - Не о том, что стал сыщиком.

Маргарет внимательно посмотрела на него.

- А о чём?

Мартин поднял глаза. В свете лампы его лицо казалось строже, чем прежде, но в голосе не было прежней сухости.

- О том, сколько времени я потратил, полагая, что это единственное, что у меня действительно получается.

Томас едва заметно изменился в лице. Он не перебил Мартина и не стал просить объяснений, однако его взгляд стал серьёзнее. Эти слова не походили на обычную самоиронию Айзена. В них слышалось признание, которое не было подготовлено заранее и потому, возможно, значило больше, чем длинное рассуждение.

- Вы ведь были хорошим сыщиком, - тихо сказал Томас.

- Был ли я хорошим сыщиком - вопрос, который можно обсуждать долго. Я раскрывал дела. Иногда раньше других. Иногда лучше других. Но это ещё не означает, что я понимал всё, что имело значение.

Он произнёс последнюю фразу без горечи. Скорее, с усталой точностью человека, который много раз возвращался к одному и тому же выводу и постепенно перестал надеяться, что повторное рассмотрение изменит его смысл.

- В молодости я считал, что если достаточно внимательно изучить обстоятельства, то можно понять человека. Его привычки, страхи, мотивы. Я думал, что поступок всегда оставляет след, а след, если не упустить его, непременно приводит к истине.

- Разве это не так? - спросил Томас.

- Иногда так.

Мартин повернулся к нему.

- Но ты должен помнить одну вещь. След приводит туда, куда он ведёт. Не обязательно туда, куда ты ожидаешь попасть. И уж точно не всегда туда, куда тебе хотелось бы.

Томас медленно кивнул. Он слышал подобные мысли и прежде, но сейчас они звучали иначе. Возможно, потому, что впервые Мартин говорил не о чужой ошибке, а о собственном прежнем убеждении.

Маргарет положила ладонь поверх руки мужа. Это было короткое, почти незаметное движение. Томас не повернулся к ней, но его пальцы сразу сомкнулись вокруг её руки.

Мартин увидел этот жест и на мгновение отвёл взгляд.

Он не завидовал им. По крайней мере, не так, как можно было бы подумать. Зависть предполагала желание получить то, что принадлежало другому. А Айзен слишком хорошо знал, что некоторые вещи нельзя просто перенести из чужой жизни в свою, будто переставить предметы на столе.

И всё же он вдруг вспомнил музыкальную комнату.

Солнечный свет на полу. Открытое окно. Ноты на пюпитре. Элеонор, сидевшую за фортепиано в первые годы их брака, когда она ещё играла для него по вечерам и иногда останавливалась посреди произведения, чтобы спросить, слушает ли он.

Он слушал.

По крайней мере, ему казалось, что слушал.

Мартин помнил, как однажды она сыграла Шуберта, а он, не дождавшись конца, заговорил о деле, которое занимало его мысли весь день. Элеонор тогда не стала спорить. Она просто убрала руки с клавиш и повернулась к нему.

Он не помнил, что именно она сказала в тот вечер.

Помнил только, что через несколько минут снова говорил о расследовании, а она больше не возвращалась к музыке.

Впоследствии он долго считал это мелочью. Одним из тех незначительных эпизодов, которые не заслуживают места в памяти человека, занятого серьёзными делами.

Теперь он понимал, что незначительным был не сам эпизод.

Незначительным его сделал он.

- Мартин? - негромко позвал Томас.

Айзен поднял голову. Он не заметил, как надолго замолчал, и не сразу понял, что разговор в гостиной успел измениться. Маргарет смотрела на него с осторожным вниманием, а Томас слегка наклонился вперёд, будто собирался спросить, всё ли в порядке, но не хотел ставить старого друга в неловкое положение.

- Простите, - сказал Мартин. - Я задумался.

- О чём? - спросил Томас.

Айзен мог бы ответить уклончиво. Сказать, что вспомнил какое-то старое дело, или перевести разговор на предстоящую неделю. Это было бы привычно, безопасно и вполне соответствовало бы тому человеку, каким он привык себя считать.

Вместо этого он посмотрел на огонь.

- Об одном человеке, которого я когда-то знал.

Томас не стал уточнять, о ком именно идёт речь. Но Маргарет чуть крепче сжала его руку, и в её лице появилось понимание, не требовавшее подробностей.

Мартин заметил это тоже.

- Вы оба хотите узнать, каким я был до того, как меня начали узнавать по имени, - продолжил он. - Но дело не только в том, что я был моложе. Я иначе смотрел на мир. Иначе пони-

мал людей. Мне казалось, что я могу отделить существенное от несущественного и оставить в стороне всё, что мешает рассуждать.

Он слегка наклонился вперёд. Пламя отразилось в его глазах, и на мгновение они показались светлее.

- Самое опасное в подобной уверенности заключается в том, что она редко выглядит как самоуверенность. Чаще она выглядит как здравый смысл.

Томас нахмурился, обдумывая сказанное.

- Значит, вы хотите рассказать нам о том, как изменились?

- Нет. Я хочу рассказать вам о том, каким был. А изменился ли я - решать не мне.

Он произнёс это спокойно, но после последних слов между ними снова возникла пауза. Не тяжёлая, как прежде, а внимательная. Томас, казалось, впервые по-настоящему понял, что Мартин не собирается заранее объяснять смысл собственной жизни. Он готов был открыть перед ними события, но не обещал, что в конце окажется готовый ответ.

И, возможно, именно так и следовало начинать.

Маргарет посмотрела на часы. Стрелки приблизились к половине шестого. Дождь за окном постепенно стихал, хотя небо оставалось тёмным, а на стекле всё ещё дрожали редкие капли.

- Нам не обязательно уходить сразу после пирога, - сказала она. - Если вы действительно хотите рассказать.

Мартин посмотрел на неё с лёгким удивлением.

- Я полагал, что пирог и был главным основанием вашего визита.

- Это было второе основание.

- А первое?

Маргарет улыбнулась.

- Мы соскучились.

Ответ был настолько простым, что Мартин на несколько секунд лишился возможности отшутиться.

Томас отвернулся к камину, скрывая улыбку. Маргарет же спокойно взяла чашку и сделала последний глоток чая, словно не сказала ничего особенного. Но её слова остались в комнате, и Мартин не мог не почувствовать их значения.

Люди приходили к нему за ответами. Иногда - за помощью, иногда - за советом, иногда - потому, что больше не знали, кому доверять. Он привык к этому и научился принимать чужое доверие как обязанность, требующую осторожности.

Но они пришли не за ответом.

Они пришли к нему самому.

Мартин медленно выдохнул и откинулся на спинку кресла. На столике перед ним стояла нетронутая чашка чая, давно потерявшего тепло. Он взял её, сделал небольшой глоток и поморщился: напиток оказался почти холодным.

- Что ж, - сказал он, ставя чашку обратно. - Если уж я собираюсь рассказывать вам о своей жизни, начинать с Лондона было бы неправильно.

Томас повернулся к нему.

- Почему?

- Потому что Лондон появился в моей жизни позже, чем я привык думать.

Мартин взглянул на окно, за которым вечер окончательно поглотил очертания улицы. На стекле отражались трое людей, сидевших в тёплой комнате, и старый человек у камина, который пытался вспомнить самого себя.

- Всё началось в Германии, - произнёс он. - В городе, куда я приехал по делу и где совершенно не собирался задерживаться.

Он замолчал, словно прислушиваясь к чему-то далёкому. Не к шуму дождя и не к потрескиванию поленьев, а к голосам, которых в этой комнате не было уже много лет.

Потом Мартин поднял глаза и посмотрел на Томаса.

- Но прежде чем я расскажу вам, что там произошло, вы должны понять одну вещь. В Гёттинген я приехал не как сыщик, не как человек, чьё имя печатали в газетах, и не как тот, кому доверяли самые трудные дела.

Он слегка усмехнулся - без привычной насмешки, скорее над собственной памятью.

- Я был молодым полицейским, Томас. Довольно самоуверенным, плохо знакомым с миром и совершенно убеждённым, что умею отличать правду от лжи.

За окном ветер пошевелил ветви дерева, и их тени медленно скользнули по стене гостиной.

- Мне предстояло узнать, насколько я ошибался.

Мартин протянул руку к каминной полке и снял с неё небольшую деревянную шкатулку, которую прежде Томас не замечал. Крышка была потемневшей от времени, а на одном из углов виднелась тонкая трещина. Айзен подержал её на ладони, не открывая, и на мгновение показалось, что он собирается показать гостям нечто, что хранилось внутри много лет.

Но он лишь провёл пальцем по крышке и поставил шкатулку обратно.

- Это было осенью 1905 года, - сказал он. - И я до сих пор помню запах вокзала в тот день.

Томас чуть подался вперёд.

Мартин смотрел на шкатулку, но видел уже не гостиную, не огонь и не дождь на лондонских окнах. Перед ним медленно проступали другие очертания: длинная платформа, влажный камень, клубы пара над рельсами и незнакомый город, встречавший его серым небом.

Воспоминание ещё не стало рассказом. Пока оно было лишь дверью, которую Мартин наконец согласился открыть.

И за этой дверью начиналась осень.

Глава первая

Гёттинген
Осень 1905 года.

Часть первая. Город за железнодорожным окном

Поезд прибыл с опозданием на одиннадцать минут.

Мартин Айзен заметил это ещё до того, как состав начал замедлять ход. Он сидел у окна, держа на коленях кожаную дорожную сумку, и следил за телеграфными столбами, которые один за другим возникали из серой дымки и исчезали позади вагона. На стекле дрожали мелкие капли дождя. Время от времени поезд проходил по стрелочным переводам, и тогда вагон содрогался, заставляя вещи на багажных полках тихо постукивать друг о друга.

Напротив, Мартина сидел инспектор Артур Беннет.

За последние двое суток старший полицейский успел продемонстрировать почти все качества, которые молодой Айзен считал раздражающими в людях, облечённых властью. Беннет говорил мало, задавал вопросы не тогда, когда их ожидали, и обладал неприятной привычкой прекращать разговор именно в тот момент, когда собеседник начинал считать себя интересным. При этом он не был ни груб, ни высокомерен. Напротив, инспектор обращался с окружающими подчеркнуто вежливо, что делало его молчание ещё более неудобным.

У него было широкое лицо с тяжёлой нижней челюстью, короткие волосы с заметной проседью у висков и небольшие серые глаза, которые, казалось, никогда не задерживались на одном предмете дольше необходимого. На пальцах правой руки темнели следы чернил. Он носил их уже несколько дней, хотя несколько раз имел возможность отмыть руки, и Мартин всё никак не мог решить, было ли это следствием небрежности или привычки, на которую инспектор просто не обращал внимания.

Беннет сидел неподвижно, прижав к коленям сложенную газету. Его дорожный плащ лежал на соседнем сиденье, а шляпа была аккуратно поставлена на багажную полку. В отличие от Мартина, он не пытался рассматривать окрестности.

- Мы опаздываем, сэр, - произнёс Мартин.

Инспектор не поднял глаз.

- Я заметил.

- На одиннадцать минут.

- В таком случае вам незачем было сообщать мне об этом.

Мартин сдержал ответ.

Ему было двадцать два года, и он уже достаточно долго служил в полиции, чтобы понимать разницу между дисциплиной и покорностью. Первую он считал необходимой. Вторую терпел лишь в тех случаях, когда не имел возможности поступить иначе. Однако Беннет, по-видимому, придерживался мнения, что молодой подчинённый должен научиться различать не только эти понятия, но и момент, когда собственные наблюдения следует оставить при себе.

Мартин отвернулся к окну.

За стеклом медленно проплыли первые городские постройки. Невысокие дома с покатыми крышами, мокрые стены, узкие улицы, уходившие от железнодорожной линии. Над крышами поднимались тонкие струйки дыма. Небо было низким, почти белым, и дождь, казалось, не падал с него, а просто висел в воздухе, оседая на каждом предмете тонкой холодной плёнкой.

Гёттинген.

Мартин мысленно повторил название, стараясь придать ему привычное звучание. До отъезда он несколько раз произносил его вслух, однако немецкое сочетание согласных по-прежнему казалось ему несколько неуклюжим. Он знал, что город расположен в Нижней Саксонии, что здесь находится известный университет и что в последние годы имя математика Давида Гильберта стало известно далеко за пределами Германии. Он также знал, что университет привлекает студентов из разных стран и что среди приезжих немало англичан.

Но всё это было сведениями из книг, газет и кратких заметок, собранных перед поездкой. Сам город до этого утра существовал для него лишь на бумаге.

Теперь он постепенно обретал запах.

Даже через закрытое окно вагонного купе до Мартина доносились запахи мокрого угля, сырой древесины и дыма. В них чувствовалась железная дорога - знакомая любому, кто хоть раз проводил несколько часов в пути, - но присутствовало и нечто другое: влажная земля, холодный камень, далёкий запах лошадей. Город встречал его не торжественно и не враждебно. Он просто жил своей жизнью, совершенно не интересуясь тем, кто прибыл на его вокзал.

Мартин не любил подобного равнодушия.

Не потому, что ожидал от каждого нового места особого приёма. Скорее, ему было неприятно оказываться там, где он пока не знал правил. В Лондоне он понимал, как устроены улицы, как разговаривают люди разных сословий, кому следует задавать вопросы и когда лучше промолчать. Он знал, какие объяснения обычно скрываются за словами «ничего особенного», и умел замечать разницу между человеком, который действительно не желает говорить, и человеком, который боится сказать лишнее.

В Гёттингене всё это предстояло узнавать заново.

Поезд подал протяжный гудок.

Состав медленно вошёл под навес станции. Колёса заскрежетали по рельсам, в соседнем вагоне кто-то торопливо захлопнул окно, а затем раздался последний тяжёлый толчок, от которого дорожная сумка на коленях Мартина съехала набок.

Он перехватил её и посмотрел на карманные часы.

Девять часов семнадцать минут.

По расписанию они должны были прибыть в девять шесть минут.

- Теперь вы можете записать ещё одно наблюдение, сэр, - сказал Мартин. - Мы прибыли.

Беннет поднял на него глаза.

На этот раз в них мелькнуло что-то похожее на веселье, хотя улыбкой это назвать было трудно.

- Запишите лучше другое, Айзен. Мы приехали в город, где никому нет дела до того, что вы думаете о железнодорожном расписании.

Инспектор убрал газету во внутренний карман пальто и поднялся. Он двигался без спешки, но так, что окружающим невольно приходилось уступать ему дорогу. Мартин последовал за ним, сняв сумку с колен и проверив застёжку на её боковом кармане.

- И ещё, - добавил Беннет, уже стоя у двери купе. - Не пытайтесь произвести на немцев впечатление своим немецким.

- Я говорю достаточно хорошо.

- Именно это меня и беспокоит.

Мартин хотел возразить, но инспектор уже вышел в коридор.

Молодой полицейский задержался на мгновение, глядя ему вслед. Затем поднял сумку и двинулся за ним, мысленно обещая себе, что при первой же возможности докажет Беннету, насколько необоснованны его сомнения.

В ту минуту Мартин ещё не понимал, как часто в последующие годы будет вспоминать эту привычку - желание доказать, что он прав, прежде чем окончательно выяснит, в чём именно состоит вопрос.

В тамбуре пахло мокрой шерстью и угольной пылью.

Когда Мартин спустился на платформу, холодный воздух сразу коснулся его лица. Он поправил воротник пальто и на мгновение остановился, позволяя глазам привыкнуть к рассеянному свету. Над платформой тянулся металлический навес, с которого капала вода. Под ногами блестели потемневшие от сырости доски и каменные плиты. Где-то впереди носильщик

катил тележку с багажом, а возле выхода двое мужчин в длинных пальто спорили о чём-то, перебивая друг друга короткими немецкими фразами.

На соседнем пути стоял товарный состав. Из-под одного из вагонов тянулась тонкая струйка пара, растворявшаяся у самых рельсов. Локомотив, только что доставивший пассажиров, шумно выпускал остатки давления, и этот звук перемешивался с голосами, скрипом тележных колёс и стуком каблуков по платформе.

Мартин вдохнул воздух глубже.

Ему хотелось сразу осмотреть станцию целиком. Отметить расположение выходов, понять, откуда прибывали поезда, куда направлялись носильщики, где находились служебные помещения. Он уже начал мысленно составлять список наблюдений, когда услышал голос Беннета:

- Айзен.

Инспектор стоял у выхода с платформы. Рядом с ним находился высокий худощавый мужчина в тёмном форменном пальто, с аккуратно подстриженной бородой и кожаной папкой под мышкой. Он говорил по-немецки, отчётливо выговаривая слова, а Беннет отвечал на языке собеседника с таким акцентом, что Мартин невольно испытал облегчение: его собственная речь, вероятно, была не настолько ужасна, как утверждал старший полицейский.

Мужчина заметил Мартина и слегка кивнул.

- Господин Айзен? - спросил он по-английски.

- Да, сэр.

- Меня зовут Карл Фогель. Я служу в городской полиции. Инспектор Беннет предупредил о вашем прибытии.

Фогель протянул руку. Рукопожатие оказалось крепким, хотя пальцы у него были холодными. Мартин отметил, что немец держал папку левой рукой, а правую сразу убрал в карман пальто, словно не желал задерживать приветствие дольше необходимого.

- Надеюсь, дорога была не слишком утомительной, - продолжил Фогель.

- Достаточно долгой, чтобы оценить точность вашего расписания, - ответил Мартин.

Он произнёс это с улыбкой, намереваясь показать, что способен поддержать непринуждённый разговор. Однако Фогель лишь вежливо кивнул, не вполне поняв, была ли это шутка.

Беннет посмотрел на Мартина так, что тот сразу пожалел о сказанном.

- Господин Фогель любезно согласился помочь нам с размещением и первыми формальностями, - сообщил инспектор. - Остальные вопросы мы обсудим позже.

- Конечно, сэр.

- В особенности те, которые вы пока не успели задать.

Мартин почувствовал, как у него напряглась челюсть. Он не произнёс ни слова, но Фогель, стоявший рядом, перевёл взгляд с одного полицейского на другого и, кажется, впервые за всё время встречи позволил себе слабую улыбку.

Они направились к выходу.

Вокзальный зал оказался просторнее, чем Мартин ожидал. Высокие окна пропускали бледный свет, который ложился на пол широкими прямоугольниками. У билетных касс стояла небольшая очередь. Женщина в тёмном платье держала за руку мальчика лет шести, пытавшегося дотянуться до медной ручки её саквояжа. Возле стены пожилой мужчина складывал газету, аккуратно разглаживая каждый сгиб ладонью. Двое студентов в длинных пальто оживлённо спорили, не замечая, что мешают проходу.

Ничего примечательного.

И всё же Мартин смотрел на людей с тем вниманием, которое уже тогда отличало его от многих ровесников. Он не искал преступников среди пассажиров и не подозревал каждого встречного. Просто замечал мелочи: как человек несёт багаж, куда смотрит, когда к нему обращаются, как меняется его лицо при виде знакомого.

Ему казалось, что именно так и следует смотреть на мир - не упуская ничего.

Он ещё не знал, что видеть многое и понимать увиденное - два разных умения.

У выхода их ждал экипаж. Лошадь переступала копытами по мокрой мостовой, из ноздрей у неё вырывались облачка пара. Кучер, пожилой мужчина с густыми усами, сидел на козлах, нахлобучив шляпу почти до бровей. На его плечах блестели дождевые капли.

Фогель заговорил с ним по-немецки, после чего открыл дверцу и предложил Беннету сесть первым.

Мартин уже собирался последовать за инспектором, когда его внимание привлекла табличка над входом в станционное здание. На ней было написано название города - аккуратные тёмные буквы на светлом фоне.

Он задержал взгляд на последнем слоге.

Гёттинген.

Теперь это слово больше не было строкой на карте. Оно находилось перед ним - в мокром камне, в дыме над крышами, в голосах прохожих и в холодном воздухе, который проникал под воротник пальто.

- Вы впервые в Германии? - спросил Фогель.

Мартин повернулся к нему.

- Да.

- Тогда, полагаю, вам многое покажется непривычным.

- Непривычное не обязательно означает сложное.

Фогель внимательно посмотрел на него. В отличие от Беннета, он не ответил сразу и не стал улыбаться. Затем чуть наклонил голову, будто принял замечание к сведению.

- Это верно, господин Айзен. Но иногда непривычное кажется простым именно потому, что мы ещё не знаем, чего не понимаем.

Он сказал это спокойно, почти рассеянно, и сел в экипаж.

Мартин на мгновение остался стоять у открытой дверцы.

Фраза показалась ему слишком общей, чтобы заслуживать особого внимания. Её можно было услышать от университетского преподавателя, от старого чиновника или от человека, который любил придавать обычным словам видимость глубокой мысли. Айзен не любил подобные замечания: они звучали убедительно, но редко давали что-либо, с чем можно было работать.

И всё же он запомнил их.

Не потому, что почувствовал в них предупреждение. В тот день он ещё не умел распознавать предупреждения, если они не сопровождались очевидной опасностью.

Он запомнил их просто потому, что слова показались ему странными.

Затем Мартин забрался в экипаж, устроил сумку у ног и захлопнул дверцу. Лошадь двинулась с места. Колёса заскрипели по мокрому камню, и станция начала медленно отдаляться.

Город принимал их без всякого интереса.

Мартин смотрел в окно, стараясь запомнить каждую улицу, каждый поворот и каждое лицо, попадавшееся им навстречу. Он ещё не знал, где будет жить, с кем ему предстоит разговаривать и сколько времени займёт расследование. Не знал даже, окажется ли пропавший британец жив.

Но у него уже было первое убеждение, с которым он приехал в Гёттинген.

Если найти достаточно фактов, из них обязательно сложится верная картина.

И пока экипаж вёз его в незнакомый город, это убеждение казалось Мартину таким же надёжным, как каменная мостовая под колёсами.

Инспектор Беннет, сидевший напротив, тем временем достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. Развернув его, он ещё раз прочитал несколько строк, после чего поднял глаза на молодого подчинённого.

- Айзен, - произнёс он.

Мартин оторвался от окна.

- Да, сэр?

Беннет сложил лист по прежним сгибам и убрал обратно в карман.

- Когда мы прибудем в гостиницу, вы первым делом разберёте наши бумаги. А потом я объясню вам, почему мы здесь.

Мартин нахмурился.

- Вы полагаете, я до сих пор не знаю причины нашего приезда?

- Я полагаю, - ответил Беннет, глядя на него совершенно серьёзно, - что вы знаете ровно столько, сколько я вам сообщил.

Экипаж свернул на узкую улицу. За окном промелькнули витрина книжной лавки, вывеска аптеки и женщина, торопливо прятавшая корзину под плащ. Лошадь ускорила шаг, и разговор оборвался сам собой.

Мартин снова посмотрел на город.

На этот раз он пытался не просто запомнить увиденное, а понять, почему инспектор до сих пор скрывал от него подробности дела.

Он был уверен, что найдёт ответ.

Пока что ему казалось, что это самое простое из предстоящих испытаний.

Часть вторая. Человек, которого не нашли

Гостиница называлась «Zum Goldenen Hirsch» - «У Золотого оленя» - и располагалась на улице, которую Мартин не сумел бы отыскать повторно даже через десять минут после того, как экипаж остановился у её входа.

Не потому, что улица выглядела совершенно обыкновенной. Напротив, она запоминалась именно своей непривычной теснотой: дома стояли так близко друг к другу, что верхние этажи почти нависали над мостовой, а дождевые трубы, прикреплённые к потемневшим фасадам, казались продолжением самой архитектуры. Вывески выступали над тротуарами, деревянные ставни закрывали часть окон, и от каждого второго здания пахло чем-то своим - хлебом, горячим жиром, углём или влажной тканью.

Просто Мартин смотрел на всё сразу.

Он разглядывал вывеску гостиницы, человека, выносившего из соседней лавки пустые ящики, мальчика с корзиной яблок, рыжую собаку, укрывшуюся от дождя под тележкой. Он пытался понять, кто из прохожих спешит по делу, а кто лишь притворяется занятым, потому что не любит задерживаться на улице. Разумеется, у него не было никаких оснований подозревать этих людей в чём-либо дурном. Но сам процесс наблюдения доставлял ему удовольствие, сродни решению задачи, условие которой пока не удалось прочесть целиком.

- Мы приехали, Айзен, - напомнил инспектор Беннет.

Мартин перевёл взгляд на него.

- Я вижу, сэр.

- Тогда, возможно, вы соизволите выйти из экипажа.

В голосе инспектора не было раздражения, однако Мартин уже научился узнавать эту особую интонацию, означавшую, что терпение Беннета близко к завершению. Он быстро расплатился с кучером вместе с инспектором, после чего вытащил дорожную сумку и поставил её на мостовую.

Дождь почти прекратился, но вода продолжала стекать с навеса гостиницы. Несколько крупных капель упали Мартину за воротник. Он передёрнул плечами, невольно выругался по-английски и услышал, как инспектор тихо хмыкнул.

- Немецкий климат, полагаю, тоже не соответствует вашим ожиданиям?

- Климат, сэр, не обязан соответствовать ожиданиям. Было бы достаточно, если бы он соответствовал времени года.

- Весьма разумное замечание. Сохраните его для хозяина гостиницы. Возможно, он снизит стоимость номера.

Беннет поднялся по трём каменным ступеням и открыл дверь.

Внутри оказалось заметно теплее, хотя воздух был тяжёлым от запахов жареного мяса, полированного дерева и старого камина. За стойкой стоял плотный мужчина лет пятидесяти с густыми усами и круглым лицом. На нём был жилет с цепочкой от часов, а на носу сидели небольшие очки в тонкой металлической оправе. Он что-то записывал в большой регистрационной книге и поднял голову лишь тогда, когда дверной колокольчик перестал дребезжать.

Инспектор заговорил с ним по-немецки. Хозяин гостиницы ответил с готовностью, хотя несколько раз бросал любопытные взгляды на Мартина, словно пытался определить, кто из приезжих представляет большую важность.

Мартин поставил сумку у стойки и осмотрел помещение.

Слева располагалась дверь, вероятно, ведущая в столовую. За ней слышался звон посуды и негромкие разговоры. Справа начиналась лестница с потёртыми деревянными перилами. На стене висело зеркало в тёмной раме, возле которого стояла ваза с увядшими цветами. На полу

лежал коврик, давно потерявший первоначальный цвет, а возле камина двое мужчин играли в карты, не проявляя ни малейшего интереса к новым постояльцам.

Один из игроков, пожилой господин с длинными седыми бакенбардами, внезапно поднял глаза и встретился взглядом с Мартином. Затем он снова посмотрел на карты.

Мартин мысленно отметил этот эпизод, хотя и не мог объяснить самому себе, почему.

- Два номера, - сказал Беннет, заканчивая разговор с хозяином. - На несколько дней, с возможностью продления.

- Мы останемся здесь надолго, сэр? - спросил Мартин.

- Если обстоятельства потребуют.

- Какие именно обстоятельства?

Инспектор повернулся к нему. В рассеянном свете лампы его серые глаза выглядели почти бесцветными.

- Те, которые мы приехали выяснить.

Беннет взял ключ, который протянул хозяин, и направился к лестнице. Мартину достался номер на втором этаже, чуть дальше от лестничной площадки. Комната была узкой, с низким потолком и единственным окном, выходившим во внутренний двор. У стены стояла кровать с высокой спинкой, рядом - небольшой стол, два стула и шкаф, дверцы которого слегка перекосились. На комоде находился керамический кувшин с тазом, а над кроватью висела небольшая картина с изображением оленя у лесного ручья.

Мартин поставил сумку на кровать и подошёл к окну.

Во дворе женщина развешивала бельё под навесом. Рядом, на деревянной скамье, сидел мальчик и чистил большое яблоко маленьким ножом. На стене соседнего дома темнела влажная полоса, поднимавшаяся от земли почти до самого второго этажа. Дальше, между крышами, виднелась узкая полоска неба.

Не лучший вид, но и не худший.

Мартин обернулся. Инспектор стоял возле стола, снимал перчатки и изучал помещение с видом человека, для которого гостиничный номер был не местом отдыха, а временным препятствием между двумя рабочими днями.

- У нас есть время привести себя в порядок, - сказал Беннет. - Через двадцать минут вы спуститесь в столовую. До этого разберите бумаги из моего портфеля и принесите всё, что касается исчезновения.

- Я полагал, что документы находятся у вас.

- Так и есть.

- Тогда почему...

- Потому что, Айзен, я хочу убедиться, что вы знаете, с чем мы имеем дело, прежде чем начнёте задавать вопросы.

Инспектор произнёс это без злобы. Он даже поправил лежавший на столе лист, выровняв его по краю деревянной поверхности. Но именно эта будничная манера раздражала Мартина сильнее открытого выговора: Беннет не считал нужным объяснять причины каждого своего распоряжения.

- Разумеется, сэр, - ответил молодой полицейский.

Он забрал портфель, отнёс его в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Лишь тогда он позволил себе выдохнуть.

Портфель инспектора был тяжёлым и пах кожей, табаком и бумагой. Мартин положил его на стол, снял пальто и аккуратно повесил на спинку стула. Затем достал чернильницу, перо и блокнот, который всегда носил с собой, даже когда не предполагалось вести официальных записей.

Он любил бумагу.

В ней было нечто успокаивающее: каждая мысль занимала своё место, каждый факт можно было записать отдельно, каждое противоречие - отметить на полях. В разговоре человек мог изменить формулировку, запнуться, забыть подробность или намеренно скрыть её. Бумага, если с ней обращались аккуратно, сохраняла слова такими, какими они были записаны.

По крайней мере, так полагал Мартин.

Он открыл портфель.

Сверху лежала официальная переписка между британской стороной и германскими властями. За ней находилась тонкая папка с копиями писем, несколькими телеграммами и краткой справкой, составленной инспектором перед отъездом. Мартин вынул документы и расположил их на столе по датам, после чего начал читать.

Первые два письма касались просьбы о содействии в поисках британского подданного по имени Эдвард Уитмор. В одном сообщалось, что мужчина прибыл в Гёттинген в начале октября и с тех пор перестал выходить на связь с родными. Во втором указывалось, что германская полиция уже проводит собственную проверку, а британские власти могут направить представителя для передачи дополнительных сведений и согласования дальнейших действий.

Мартин перечитал последний абзац.

Именно поэтому они оказались здесь.

Не для того, чтобы британская полиция распоряжалась в немецком городе. У Беннета не было ни таких полномочий, ни намерения заявлять на них права. Их задача заключалась в том, чтобы помочь восстановить обстоятельства жизни пропавшего, проверить сведения, известные в Англии, и при содействии местных властей выяснить, не упустили ли они чего-либо важного.

Это выглядело вполне разумно.

Однако в голове Мартина уже возникло несколько вопросов.

Почему для поездки выбрали именно Беннета? Почему вместе с ним отправили младшего констебля, а не опытного сотрудника, владевшего немецким языком лучше? Почему в переписке почти не упоминались обстоятельства, при которых Уитмор исчез?

Он записал эти вопросы в блокнот.

Затем открыл следующую папку.

В ней обнаружилось письмо, написанное от руки. Почерк был мелким, аккуратным и немного наклонённым вправо. Бумага оказалась тонкой, а по нижнему краю шла слабая полоса, словно лист долго хранился рядом с чем-то влажным.

Мартин начал читать.

Эдвард Уитмор, тридцати четырёх лет, прибыл в Германию по личным и профессиональным обстоятельствам. Он владел немецким языком, имел университетские знакомства и в течение нескольких лет занимался переводами научных текстов для одного лондонского издательства. Последнее письмо семье было отправлено из Гёттингена двенадцать дней назад. В нём Уитмор сообщал, что намерен задержаться в городе ещё на некоторое время, но не объяснял, по какой причине.

После этого известий не было.

Сначала родственники не встревожились. Уитмор и прежде мог не писать неделями, особенно если был занят работой. Однако в последнем письме он обещал вернуться в Англию до конца месяца. Когда срок прошёл, а новых сообщений не последовало, его сестра обратилась к знакомому в Лондоне, который помог связаться с полицией.

Мартин остановился.

Он ожидал увидеть в материалах более очевидную причину для беспокойства. Например, сообщение о долгах, конфликте или угрозах. Но пока перед ним находилась лишь история человека, который уехал из дома, перестал писать и не вернулся в обещанный срок.

Подобные случаи встречались чаще, чем хотелось бы родственникам исчезнувших.

Люди пропадали по самым разным причинам. Некоторые становились жертвами преступлений. Другие начинали новую жизнь, не желая объясняться со старой. Иные попадали в больницы без документов, теряли деньги, заболевали или оказывались неспособны сообщить о себе. Иногда человек исчезал лишь потому, что его близкие были уверены: он обязан находиться там, где его привыкли видеть.

Мартин хорошо знал, что отсутствие сведений само по себе ещё не доказывает ничего.

Но он не мог избавиться от ощущения, что в этом деле имелась какая-то подробность, о которой пока не сообщали.

Он перечитал письмо ещё раз, затем перевернул лист.

На обороте стояла короткая приписка, сделанная другим почерком:

Последнее подтверждённое появление - 19 октября. Подробности у городской полиции.

Мартин посмотрел на дату.

Двенадцать дней без известий.

Если письмо было отправлено в самом начале исчезновения, почему британская сторона узнала об этом только теперь? Он проверил даты на конвертах, сопоставил их с телеграммами и понял, что между первым обращением семьи и началом официальной переписки прошло несколько дней. Затем ещё некоторое время ушло на согласование действий с германскими властями.

Всё объяснялось бюрократией.

И всё же Мартин записал на полях: Проверить точную дату последнего письма и время его отправления.

Закончив с перепиской, он достал из портфеля фотографию.

На ней был изображён мужчина среднего роста, худощавый, с высоким лбом и аккуратно зачёсанными назад волосами. Он стоял на фоне стены, одетый в тёмный костюм и светлую рубашку с узким галстуком. Лицо было вытянутым, губы тонкими, а взгляд - сосредоточенным, словно фотограф попросил его не улыбаться, а думать о чём-то серьёзном.

Под снимком карандашом было написано: «Эдвард Уитмор. Лондон. 1904».

Мартин поднёс фотографию ближе к окну.

Снимок был не очень хорошего качества, но на нём можно было различить несколько особенностей. Уитмор носил усы, хотя и короткие; на переносице имелась едва заметная тень, возможно, след от очков. Правая сторона воротника лежала чуть ниже левой. На левом лацкане виднелась маленькая булавка или след от неё.

Мартин задержался на последней детали, затем перевернул фотографию, осмотрел оборот и положил её рядом с письмом.

Он пока не знал, имело ли это значение.

Он просто предпочитал не отбрасывать наблюдение до того, как убедится, что оно бесполезно.

В дверь постучали.

- Айзен, вы закончили?

Голос Беннета донёсся из коридора, и Мартин быстро собрал бумаги в отдельную стопку.

- Почти, сэр.

- Тогда заканчивайте.

Инспектор не вошёл, и Мартин услышал, как его шаги удалились по коридору. Он посмотрел на часы. Прошло восемнадцать минут.

Поспешно сложив документы в прежнем порядке, Мартин сунул блокнот во внутренний карман и взял папку с фотографией. Затем вышел из комнаты.

Инспектор ждал на лестничной площадке. Он уже надел пальто и держал шляпу в руке. При дневном свете Беннет выглядел старше, чем в вагоне: у глаз обозначились тонкие морщины, а усталость придавала его лицу оттенок постоянной сосредоточенности.

- Что вы узнали? - спросил он.

- Эдвард Уитмор, тридцать четыре года. Британский подданный, переводчик научных текстов. Прибыл в Гёттинген в начале октября. Последнее подтверждённое появление - девятнадцатое октября. После этого его местонахождение неизвестно.

Мартин говорил чётко, стараясь не добавлять к установленным сведениям собственных предположений. Он заметил, что Беннет внимательно слушает, слегка наклонив голову.

- Продолжайте.

- Семья не сразу обратилась в полицию, поскольку Уитмор и прежде подолгу не писал. В последнем письме он обещал вернуться в Англию до конца месяца. Видимых оснований для исчезновения в документах не указано.

- А что вас заинтересовало?

Мартин на мгновение замолчал.

Он мог сказать, что его заинтересовало отсутствие объяснений. Или то, что в переписке не приводилось ни одного конкретного обстоятельства, способного пролить свет на произошедшее. Но эти замечания относились скорее к оформлению документов, чем к самому делу.

- Время, сэр. Между последним письмом и обращением родственников прошло несколько дней. Затем последовали запросы и согласования. Возможно, местная полиция уже располагает сведениями, которых нет в нашей папке.

- Это весьма вероятно.

Беннет сказал это без одобрения, но и без прежнего раздражения. Он протянул руку и взял фотографию Уитмора, посмотрел на неё с привычной внимательностью, затем вернул Мартину.

- Вы нашли что-нибудь ещё?

- Пока нет.

- Хорошо.

Мартин нахмурился.

- Хорошо, сэр?

- Да. Пока вы не знаете, что важно, не следует делать вид, будто знаете. Это избавляет от значительного количества ошибок.

Инспектор начал спускаться по лестнице. Мартин последовал за ним, но слова Беннета продолжали звучать у него в голове. Ему не понравился их смысл, хотя он не мог найти в них явного изъяна.

- Вы считаете, что мы имеем дело с обычным исчезновением? - спросил он, когда они оказались на первом этаже.

Беннет остановился и посмотрел на молодого констебля.

За стойкой хозяин гостиницы перелистывал регистрационную книгу. Из столовой доносились голоса и звон посуды. Кто-то открыл входную дверь, впустив порыв сырого воздуха, и тут же закрыл её. На несколько секунд Мартину показалось, что все звуки помещения стали отчётливее, словно сам воздух прислушался к их разговору.

- Я считаю, что мы пока не имеем права называть его обычным, - ответил Беннет. - У нас есть пропавший человек, несколько писем и дата, которую предстоит проверить. Всё остальное находится за пределами наших знаний.

Он поправил манжету рубашки, выглянувшую из-под рукава.

- А если вы намерены стать хорошим сыщиком, Айзен, вам придётся научиться отличать то, что вы знаете, от того, что вам хочется знать.

Мартин хотел возразить, что никогда не смешивал эти вещи. Но слова уже готовы были сорваться с языка, и именно поэтому он их не произнёс.

Вместо этого он только кивнул.

Беннет направился к двери, ведущей на улицу. Мартин задержался на несколько мгновений у стойки, ещё раз проверил, лежит ли фотография в папке, и убрал её во внутренний карман пальто.

Впереди их ждал разговор с местной полицией.

Он надеялся, что именно там начнут появляться настоящие факты.

И пока он следовал за инспектором по мокрой мостовой, это казалось ему вполне естественным ожиданием - почти таким же естественным, как уверенность, что, если задать правильные вопросы, ответы непременно последуют.

Над городом снова собирались тучи. Из-за крыш доносился звон колокола, а у перекрёстка двое студентов остановились под навесом книжной лавки и продолжали спорить, несмотря на дождь.

Мартин прошёл мимо них, даже не взглянув в их сторону.

Он ещё не знал, что в незнакомом городе ему придётся научиться смотреть не только на то, что привлекало внимание, но и на то, мимо чего он привык проходить.

Инспектор Беннет уже свернул за угол.

Мартин ускорил шаг, догоняя его, и вскоре оба скрылись в узкой улице среди мокрых фасадов и тёмных окон.

Часть третья. Следы на чужой земле

Управление городской полиции располагалось в старом здании неподалёку от центральной части Гёттингена.

С улицы оно выглядело почти незаметным: три этажа, потемневший кирпич, высокие окна и узкая дверь, над которой висела небольшая табличка с названием учреждения. В отличие от университетских корпусов, некоторые из которых Мартин успел увидеть по дороге, здесь не было ни величественного фасада, ни широких ступеней, ни каких-либо украшений, способных привлечь внимание случайного прохожего. Здание словно стремилось не выделяться среди соседних домов, довольствуясь тем, что люди, которым требовалось сюда попасть, и без того знали дорогу.

Мартин задержался перед входом.

Он посмотрел на окна первого этажа, затем на дверь и наконец на табличку. Ему хотелось заранее представить, как устроено помещение внутри, где находятся кабинеты, куда приходят посетители и каким образом сотрудники распределяют поступающие дела. Разумеется, внешний вид здания мало что мог сказать о внутреннем устройстве полиции, но молодой констебль всё равно пытался составить первое впечатление.

За его спиной остановился Беннет.

- Вы намерены установить наблюдение за дверью, Айзен?

Мартин повернулся.

- Я пытаюсь понять, как организована работа учреждения, сэр.

- По фасаду?

- Это отправная точка.

Беннет посмотрел на здание, будто видел его впервые, хотя приехал сюда не сегодня и, вероятно, уже получил представление о местной организации службы.

- В таком случае начните с того, чтобы войти внутрь. Там у вас будет значительно больше материала для размышлений.

Инспектор первым открыл дверь.

В коридоре пахло влажными пальто, чернилами и табаком. Последний запах был особенно заметен возле деревянной вешалки, где висели несколько форменных курток. Из глубины здания доносился размеренный стук пишущей машинки, а где-то наверху два человека разговаривали так громко, что их голоса свободно проникали на лестничную площадку.

У входа находился небольшой стол, за которым сидел молодой служащий. Перед ним лежала раскрытая книга, а рядом стояла чашка с остывшим кофе. Увидев посетителей, он выпрямился и обратился к Беннету по-немецки.

Инспектор ответил, назвал себя и представил Мартина. Служащий выслушал его, после чего указал на дверь в конце коридора.

- Господин комиссар ожидает вас, - сообщил он на английском с заметным акцентом.

Беннет поблагодарил его и направился дальше.

Мартин последовал за инспектором, стараясь не смотреть по сторонам слишком открыто. Ему не хотелось производить впечатление человека, впервые оказавшегося в полицейском учреждении, хотя именно таким он сейчас и был - впервые оказавшимся в чужой полиции, среди людей, чьи правила и привычки ему ещё предстояло понять.

Дверь кабинета была приоткрыта.

Беннет постучал дважды и вошёл, не дожидаясь ответа.

За письменным столом сидел мужчина лет сорока пяти. Он был крепкого телосложения, с широкими плечами и густыми тёмными волосами, в которых уже заметно серебрилась седина.

На нём был строгий тёмный костюм, а на жилете блестела цепочка карманных часов. Перед ним лежали несколько папок, раскрытая книга и лист бумаги, на котором аккуратным почерком были записаны имена.

Мужчина поднялся.

- Инспектор Беннет. Рад наконец познакомиться лично.

Они обменялись рукопожатиями.

- Комиссар Фогель, - представил его Беннет. - Мой младший коллега, констебль Мартин Айзен.

Комиссар посмотрел на Мартина и слегка наклонил голову.

- Добро пожаловать в Гёттинген, господин Айзен.

- Благодарю вас, сэр.

- Надеюсь, дорога не была слишком тяжёлой.

- Поезд прибыл с опозданием, но в остальном всё прошло благополучно.

Фогель улыбнулся.

- Тогда, полагаю, вы уже познакомились с одной из особенностей нашей железной дороги.

Мартин хотел ответить, что одиннадцать минут едва ли можно считать особенностью, однако вовремя вспомнил предупреждение Беннета и ограничился вежливой улыбкой.

Комиссар заметил его колебание. Во всяком случае, Мартину показалось, что заметил: взгляд Фогеля на мгновение задержался на его лице, после чего тот указал гостям на два стула перед письменным столом.

- Прошу вас. У нас есть несколько вопросов, которые будет удобнее обсудить вместе.

Беннет сел первым. Мартин устроился рядом, положив папку с документами на колени.

Фогель вернулся за стол и открыл одну из лежавших перед ним папок. Внутри находились копии писем, несколько записей и небольшая карточка с именем Эдварда Уитмора.

- Прежде всего хочу сказать, что мы заинтересованы в скорейшем выяснении обстоятельств исчезновения господина Уитмора, - начал комиссар. - Однако пока у нас нет оснований утверждать, что он стал жертвой преступления. Мы проверили несколько мест, где он мог останавливаться, поговорили с людьми, которые знали его лично, и направили запросы в учреждения, с которыми он поддерживал профессиональные отношения.

Он говорил спокойно, не торопясь и не пытаясь произвести впечатление. Каждое предложение было достаточно коротким, чтобы его легко можно было понять, а между фразами Фогель оставлял небольшие паузы, словно предоставлял собеседникам возможность задать вопрос.

Мартин отметил, что комиссар почти не смотрел в бумаги, когда перечислял уже проведённые действия. Вероятно, он хорошо помнил содержание дела.

- И что удалось установить? - спросил Беннет.

Фогель перевернул страницу.

- Господин Уитмор прибыл в Гёттинген в первых числах октября. Он остановился в пансионе на улице Розенштрассе и первоначально собирался провести здесь около двух недель. По словам хозяйки, он был вежливым, сдержанным человеком, не склонным к продолжительным разговорам. Вёл себя спокойно, своевременно оплачивал комнату и не доставлял никаких неудобств.

- Когда его видели в последний раз? - спросил Мартин.

Комиссар поднял на него глаза.

Вопрос прозвучал быстрее, чем Мартин собирался его задать. Он понял это сразу, но отступать было поздно.

- Девятнадцатого октября, - ответил Фогель. - По крайней мере, это последнее появление, которое нам удалось подтвердить независимо от слов самого господина Уитмора.

- Где именно?

- В книжной лавке неподалёку от университетских зданий. Владелец помнит его, поскольку господин Уитмор приобрёл несколько книг и попросил отложить ещё одну до следующего дня.

Мартин слегка подался вперёд.

- Значит, он собирался вернуться.

- Это возможно. Но мы не знаем, вернулся ли он.

- А книги?

Фогель посмотрел на записи.

- Две книги были оплачены и забраны сразу. Третью господин Уитмор попросил оставить в лавке. На следующий день за ней никто не пришёл.

Мартин перевёл взгляд на Беннета. Инспектор слушал, положив руки на колени, и никак не показывал, что собирается вмешаться.

- Что это была за книга? - спросил Мартин.

- Сборник математических статей, изданный несколько лет назад. Насколько нам известно, господин Уитмор интересовался подобной литературой по профессиональным причинам.

- Он был математиком?

- Нет. Переводчиком. Но значительная часть его работы была связана с научными публикациями.

Фогель закрыл папку и посмотрел на обоих англичан.

- Вы должны понимать, что пока мы располагаем лишь отдельными сведениями. Они позволяют восстановить некоторые обстоятельства пребывания господина Уитмора в городе, но не объясняют его исчезновения.

Мартин почувствовал лёгкое разочарование.

Ему хотелось, чтобы комиссар назвал конкретную деталь, которая сразу изменила бы представление о деле: странное письмо, ссору, незнакомца, замеченного возле пансиона. Что-нибудь, что можно было бы положить перед собой и начать изучать.

Вместо этого ему предложили несколько дат, показания владельца книжной лавки и отсутствие человека, который мог в любой момент оказаться в совершенно другом городе.

Это было мало.

Но, возможно, именно с этого и начиналась настоящая работа.

- Мы хотели бы ознакомиться с материалами, - сказал Беннет. - И, если вы не возражаете, поговорить с людьми, которые последними видели господина Уитмора.

- Разумеется. Я подготовил копии основных записей. Оригиналы останутся у нас, но вы сможете изучить всё, что необходимо для дальнейшего расследования.

Комиссар достал из нижнего ящика стола тонкую папку и положил её перед инспектором.

Мартин заметил, что Фогель не сразу убрал руку. Его пальцы задержались на обложке, словно он собирался добавить что-то ещё, но затем передумал.

- Есть и одно обстоятельство, - продолжил комиссар. - Не особенно важное само по себе, но, возможно, оно поможет вам лучше понять характер господина Уитмора.

Беннет поднял глаза.

- Какое?

- Он несколько раз посещал университетскую библиотеку. Это подтверждено записями в журнале посетителей. Последний раз его имя внесено туда восемнадцатого октября.

Мартин немедленно посмотрел на комиссара.

- За день до последнего подтверждённого появления?

- Совершенно верно.

- И вы знаете, с кем он там встречался?

Фогель чуть нахмурился.

- Нет. Библиотека открыта для посетителей, и присутствие человека в её читальном зале не означает, что он встречался с кем-либо определённым.

Мартин почувствовал, что комиссар не вполне одобряет его поспешность. Это раздражало, но он заставил себя не отвечать.

- Мы проверили сведения о его посещениях, - продолжил Фогель. - Однако пока не обнаружили ничего необычного. Господин Уитмор работал с книгами, делал записи и покидал библиотеку в обычное время.

- Какие именно книги его интересовали? - спросил Беннет.

- Это предстоит выяснить. У нас есть список нескольких изданий, которые он запрашивал, но библиотека располагает обширным фондом, и установить все его занятия за время пребывания в городе будет непросто.

Инспектор кивнул.

- Тогда начнём с того, что уже известно.

Фогель одобрительно посмотрел на него.

- Я распоряжусь, чтобы вам предоставили необходимые сведения. Также могу организовать встречу с хозяйкой пансиона и владельцем книжной лавки. Они оба готовы ответить на дополнительные вопросы.

- Благодарю вас, - сказал Беннет. - Это будет полезно.

Разговор продолжался ещё около четверти часа. Комиссар объяснил, какие документы можно будет изучить, где находились места, связанные с последними известными днями Уитмора, и к кому следовало обратиться, если возникнет необходимость проверить сведения в университете.

Мартин слушал, делал пометки и время от времени задавал вопросы. Теперь он старался не торопиться. Если какая-либо подробность казалась ему важной, он сначала проверял, правильно ли понял ответ, и лишь затем переходил к следующему вопросу.

Это требовало усилий.

Ему хотелось идти быстрее, чем позволяли факты.

Но к концу беседы в его блокноте уже появились первые ориентиры: пансион, книжная лавка, университетская библиотека и дата последнего подтверждённого появления.

Четыре места.

Тринадцать дней.

И человек, о котором пока было известно слишком мало.

Когда встреча закончилась, Фогель поднялся и пожал руку Беннету.

- Надеюсь, мы сможем помочь вам найти господина Уитмора.

- Я тоже на это надеюсь, - ответил инспектор.

Мартин тоже поднялся. Он собирался поблагодарить комиссара, но задержался, заметив на столе фотографию, лежавшую рядом с раскрытой папкой. На снимке был изображён мужчина в светлом пальто, стоявший возле входа в какое-то здание.

- Простите, - сказал Мартин. - Это фотография господина Уитмора?

Фогель проследил за его взглядом.

- Нет. Другой человек, не имеющий отношения к вашему делу.

Комиссар взял фотографию и убрал её в папку.

Движение было совершенно обычным. Он не торопился, не выглядел смущённым и не пытался скрыть снимок от посетителей. И всё же Мартин заметил, что фотография исчезла из поля зрения прежде, чем он успел рассмотреть лицо изображённого мужчины.

Он не стал задавать дополнительных вопросов.

В конце концов, комиссар уже объяснил, что снимок не относится к расследованию. У Мартина не было ни малейших оснований сомневаться в его словах.

Именно поэтому он запомнил фотографию.

На улице стало холоднее.

Дождь прекратился, но ветер гнал по мостовой мелкие листья и обрывки бумаги. Тучи немного разошлись, открыв узкую полосу бледного неба над крышами. Из окон соседних домов уже лился жёлтый свет, а у входа в небольшую пекарню собрались люди, ожидавшие, пока продавец вынесет свежий хлеб.

Беннет шёл рядом с Мартином, держа папку под мышкой. Некоторое время они молчали.

- Ну? - спросил инспектор наконец.

Мартин посмотрел на него.

- Что именно, сэр?

- Ваши впечатления.

Мартин задумался. Он не хотел повторять то, что уже было сказано в кабинете комиссара, и не желал выдавать предположения за выводы.

- Пока слишком мало сведений, чтобы судить о причинах исчезновения. Уитмор мог уехать из города, мог задержаться по личным обстоятельствам или мог оказаться в ситуации, в которой не способен сообщить о себе. Но если мы исходить из последней подтверждённой даты, то стоит начать с людей, которые видели его восемнадцатого и девятнадцатого октября.

Беннет бросил на него короткий взгляд.

- Хорошо. А что вас беспокоит?

- Отсутствие объяснения.

- Это не объяснение, Айзен. Это отсутствие объяснения.

- Именно.

Инспектор остановился возле перекрёстка, пропуская телегу, которую тянула тяжёлая гнедая лошадь. Колёса оставляли на мокрой мостовой тёмные полосы. Кучер что-то крикнул животному, и телега медленно повернула в соседнюю улицу.

- Вы удивитесь, - сказал Беннет, когда они снова пошли, - сколько людей считают отсутствие ответа доказательством того, что ответ должен быть необычным.

- Я не считаю его доказательством.

- Пока нет. Но вы уже ищете необычное.

Мартин не ответил.

Он понимал, что инспектор отчасти прав. Ещё до приезда в Гёттинген ему хотелось найти в этом деле что-то, чего не замечали другие. Не потому, что он желал славы, - по крайней мере, именно так он объяснял себе собственные стремления. Ему нравилось разбираться в сложных обстоятельствах, находить связь между разрозненными фактами и доказывать, что внимательный ум способен увидеть то, что ускользает от остальных.

Обычное исчезновение не давало ему такой возможности.

И это было не самым лучшим основанием для расследования.

- Я постараюсь не делать поспешных выводов, сэр, - сказал он.

- Не старайтесь. Просто не делайте их.

Беннет произнёс это без улыбки, но Мартин уже не воспринял замечание как очередную попытку поставить его на место. В голосе инспектора слышалось нечто, чего прежде он не замечал: усталость человека, который слишком часто видел, как молодые сотрудники влюбляются в собственные догадки.

Они прошли ещё несколько десятков шагов.

Впереди показалась небольшая площадь. На её краю находилась книжная лавка, а дальше, за рядами домов, виднелась часть университетского здания. Мартин остановился, чтобы прочитать вывеску лавки, и достал блокнот.

- Куда мы направимся сначала? - спросил он.

- В пансион. Я хочу поговорить с хозяйкой, пока она ещё не ушла по своим делам. После этого решим, что делать дальше.

- А университетская библиотека?

- Завтра.

Мартин нахмурился.

- Но если Уитмор посещал её незадолго до исчезновения...

- Завтра, Айзен.

Инспектор посмотрел на него с тем терпением, которое Мартин уже начинал считать особенно неприятной формой строгости.

- Сегодня мы узнаем, где он жил, что говорил хозяйке и когда его видели в последний раз. Не нужно пытаться провести всё расследование за один вечер.

- Я не собирался...

- Собирались, - спокойно перебил Беннет. - Иначе не спрашивали бы.

Мартин закрыл блокнот.

Он не любил, когда его мысли угадывали прежде, чем он успевал изложить их сам. Это казалось ему нарушением какого-то внутреннего порядка, в котором каждое рассуждение должно было пройти определённые стадии, прежде чем становиться доступным другим людям.

Однако сейчас он промолчал.

Инспектор свернул с площади на узкую улицу, и Мартин последовал за ним.

Они ещё не знали, что именно произошло с Эдвардом Уитмором. Не знали, почему он перестал писать, почему не забрал заказанную книгу и почему в последнюю неделю его пребывания в Гёттингене никто не смог вспомнить ничего, что имело бы очевидное значение.

Пока у них были только записи, даты и несколько адресов.

Но впервые с момента прибытия Мартин почувствовал, что город перестал быть для него просто незнакомым местом. У него появилась задача, а вместе с ней - направление, по которому можно было двигаться.

Он ещё не понимал, насколько опасно иногда принимать направление за ответ.

И пока они шли к пансиону, где жил исчезнувший британец, Мартин думал о предстоящем разговоре, мысленно подбирая вопросы и пытаясь представить, какой человек мог скрываться за сухими строками официальной переписки.

Вскоре они остановились перед узким домом с тёмно-зелёной дверью.

Беннет поднялся на крыльцо и постучал.

За дверью послышались шаги.

Мартин выпрямился, достал блокнот и приготовился записывать.

Он был уверен, что этот разговор многое прояснит.

Пока что у него не было причин думать иначе.

Часть четвёртая. Комната, в которой всё осталось на своих местах

Дверь открылась не сразу.

Сначала за ней послышался осторожный шорох, затем негромкий стук деревянной задвижки, и лишь после этого в узкой щели показалось женское лицо. Женщина была лет пятидесяти, с гладко зачёсанными назад волосами, глубокими складками возле губ и тем внимательным, настороженным взглядом, который, по мнению Мартина, вырабатывался у людей, слишком долго живших в домах, где чужие судьбы проходили через их руки, но редко задерживались достаточно надолго, чтобы стать близкими.

Она посмотрела на Беннетта, затем перевела глаза на Мартина. На секунду задержала взгляд на его дорожном пальто, мокром по краям, на кожаной папке под мышкой инспектора и на небольшом блокноте, который молодой англичанин уже приготовил к разговору.

- Вы господа из полиции? - спросила она по-немецки.

- Инспектор Артур Беннетт, Скотленд-Ярд. Это мистер Мартин Айзен, - ответил Беннетт. - Мы прибыли по делу Эдварда Уитмора.

Имя подействовало на женщину заметнее, чем предъявленные документы. Её пальцы, державшие край двери, слегка сжались. Она не отступила сразу, словно решала, стоит ли впускать незнакомцев в дом, где несколько недель назад человек исчез, оставив после себя лишь комнату, счета и вопросы.

- Пожалуйста, входите, - наконец сказала она. - Я фрау Краузе. Я уже говорила всё, что знала, местному комиссару.

- Мы не сомневаемся, - спокойно произнёс Беннетт. - Но иногда полезно услышать рассказ ещё раз. Не потому, что первый был недостаточно хорош, а потому, что со временем некоторые подробности приобретают другое значение.

Фрау Краузе посмотрела на него с явным недоверием. Однако спорить не стала и пропустила гостей внутрь.

В доме пахло влажной шерстью, свежевымытым деревом и чем-то сладковатым, приготовленным на кухне. Из глубины коридора доносился тихий стук часов. Пол был покрыт тёмными досками, натёртыми до блеска, а вдоль стены стояли два стула с высокими спинками и небольшой столик, на котором лежали газета, моток ниток и пара очков в металлической оправе.

Мартин невольно задержал взгляд на очках. Одна дужка была обмотана тонкой чёрной нитью.

Он тут же одёрнул себя.

Не всякая вещь требует объяснения. Не всякая подробность является уликой.

Это правило он ещё не умел формулировать так ясно, как впоследствии, но уже чувствовал его необходимость. В каждом незнакомом месте взгляд цеплялся за мелочи; ум, которому хотелось казаться быстрым, немедленно пытался связать их между собой. Мартин пока не знал, что именно эта поспешность однажды станет для него куда более опасным противником, чем чья-либо ложь.

- Вы снимали комнату у господина Уитмора? - спросил Беннетт, когда они вошли в небольшую гостиную.

- Да. На втором этаже, в конце коридора. Он занимал её с начала октября. Тихий человек. Не доставлял хлопот.

- Что значит «тихий»? - спросил Мартин.

Беннетт бросил на него короткий взгляд. В нём не было раздражения, но было напоминание: не торопись превращать каждое слово в допрос.

Фрау Краузе, однако, ответила без возражений.

- Он мало разговаривал. Здоровался, благодарил за еду, иногда спрашивал, где можно купить бумагу или найти нужную книгу. Вечерами работал. Я слышала, как он ходил по комнате, передвигал стул, открывал ящики. Но он не пил, не приводил гостей, не шумел. Если бы все постояльцы были такими, моя жизнь стала бы куда легче.

- У него были знакомые в Гёттингене?

- Наверняка. Он ведь приезжал сюда не ради прогулок. Но ко мне никто не приходил. По крайней мере, никто, кого я могла бы уверенно назвать его знакомым.

- А письма? - спросил Беннетт. - Он получал корреспонденцию?

Женщина задумалась.

- Одно письмо я ему передала. Оно пришло в середине месяца. Остальные… Не могу сказать. Я не открываю чужие письма, господин инспектор.

- Разумеется, - ответил Беннетт. - Мы не предполагаем обратного.

- Он сам что-нибудь отправлял? - продолжил Мартин.

- Несколько раз ходил на почту. Я помню, потому что однажды попросила его купить мне марки. Он вернулся и отдал сдачу до последнего пфеннига. Очень аккуратный человек.

- Когда вы видели его в последний раз?

Фрау Краузе сложила руки на коленях. Теперь она отвечала медленнее, словно боялась, что случайно назовёт неверный день и тем самым испортит нечто важное.

- Вечером девятнадцатого октября. Я не могу поручиться за час. Было уже темно. Он пришёл, поднялся к себе, а потом спустился за водой. Я спросила, будет ли он ужинать. Он сказал, что уже ел в городе. После этого я его не видела.

- Вы уверены, что это было девятнадцатого? - уточнил Беннетт.

- Да. На следующий день приходила женщина из соседнего дома, принесла мне ткань. Я помню, потому что мы говорили о том, что скоро закончится октябрь. А господин Уитмор вечером перед этим был здесь.

Мартин записал дату, но не поднял головы.

- Он выглядел обеспокоенным? - спросил он.

- Нет.

- Испуганным?

- Нет, господин Айзен.

- Он торопился?

Фрау Краузе чуть нахмурилась.

- Я не знаю. Он никогда не бегал по лестнице и не хлопал дверями. Если вы спрашиваете, казался ли он человеком, который собирается немедленно бежать из города, то нет. Но я не могу знать, что у него было на уме.

Последние слова прозвучали резче предыдущих. Женщина словно защищала не исчезнувшего постояльца, а собственное право не отвечать за то, чего не могла знать.

Мартин поднял глаза.

- Вы правы, фрау Краузе. Прошу прощения. Я спрашиваю о том, что могли заметить вы, а не о том, что он думал.

Напряжение в её лице немного ослабло. Беннетт, не вмешиваясь, слегка повернул голову к Мартину. Это движение можно было принять за одобрение, хотя старший инспектор не был человеком, щедрым на похвалу.

- Можем ли мы осмотреть его комнату? - спросил он.

Фрау Краузе поднялась.

- Конечно. Я ничего не трогала. Комната закрыта с того дня, как комиссар велел мне не менять там ничего до окончания проверки.

- Хорошо, - сказал Беннетт. - Тогда пойдёмте.

Лестница скрипела под ногами. На втором этаже коридор оказался узким, с двумя окнами, выходившими во внутренний двор. Света было мало: осеннее небо над Гёттингеном затянули облака, и даже в середине дня в доме приходилось зажигать лампы.

Фрау Краузе остановилась перед последней дверью и достала из кармана связку ключей. Она перебрала их с привычной уверенностью, нашла нужный и вставила в замок.

- Я заперла комнату не потому, что думаю, будто он вернётся, - произнесла она, не оборачиваясь. - Просто полиция велела оставить всё как есть.

- Мы понимаем, - ответил Беннетт.

Замок щёлкнул.

Комната оказалась небольшой, но светлой. У окна стоял письменный стол, рядом - узкая кровать с аккуратно застеленным покрывалом. У стены располагался шкаф, возле двери - умывальник с керамическим кувшином и тазом. На подоконнике стоял пустой глиняный горшок; земля в нём высохла и потрескалась. На столе лежала раскрытая книга, а рядом с ней - несколько листов бумаги, прижатых чернильницей.

Первое, что заметил Мартин, было не отсутствие человека, а порядок.

В комнате не было беспорядка, который можно было бы связать с поспешным отъездом. Одеяло лежало ровно. На спинке стула висел старый пиджак, аккуратно расправленный, будто хозяин собирался надеть его на следующий день. На полке стояли три книги, выстроенные по высоте. У стены находились дорожный саквояж и пара начищенных ботинок.

Всё это создавало впечатление не комнаты исчезнувшего человека, а комнаты человека, который вышел ненадолго и намеревался вернуться к работе.

Мартин почувствовал, как внутри него шевельнулось возбуждение. Он пока не знал, что именно ищет, но обстановка словно предлагала ему задачу, у которой непременно должно быть решение.

Беннетт тем временем снял перчатки.

- Ничего не трогаем без необходимости, - сказал он. - Сначала смотрим. Потом задаём вопросы. И только после этого решаем, что заслуживает внимания.

- Да, сэр.

- И ещё, Айзен. Не ищите тайну там, где пока есть только отсутствие ответа.

Мартин промолчал. Он понял предупреждение, но не был уверен, что сумеет ему последовать.

Инспектор начал с письменного стола. Не трогая бумаг, он наклонился, чтобы прочитать верхнюю страницу. На ней были выписаны несколько немецких фраз и их английские переводы. Почерк оказался мелким, ровным, почти каллиграфическим. Внизу стояла дата - восемнадцатое октября.

- Переводческая работа, - заметил Беннетт. - Ничего удивительного.

Мартин подошёл ближе, но остановился так, чтобы не заслонять свет.

- Здесь не только перевод, сэр. Посмотрите на поля.

По краям листа действительно шли короткие пометки, сделанные карандашом. Некоторые слова были подчёркнуты дважды, возле других стояли вопросительные знаки. В одном месте Уитмор исправил перевод, зачеркнул собственный вариант и вписал новый.

- Он проверял свою работу, - сказал Беннетт.

- Да. Но, кажется, не только её.

Мартин указал на повторяющийся знак: небольшой треугольник, проведённый одним движением карандаша. Он стоял возле трёх фраз, которые на первый взгляд не имели ничего общего.

Беннетт внимательно посмотрел на лист.

- И что он означает?

- Пока не знаю.

- Прекрасный ответ.

В голосе инспектора прозвучала сухая ирония, но Мартин не обиделся. Он чувствовал, что впервые за весь день сумел обратить внимание на деталь, которую старший коллега не заметил сразу. Этого было достаточно, чтобы захотеть продолжить.

- Можно предположить, что он отмечал места, к которым собирался вернуться, - сказал Мартин. - Но тогда странно, что знаки стоят возле фраз, не связанных между собой по смыслу.

- А может быть, они связаны не по смыслу, а по какой-то другой причине.

- Именно.

Беннетт посмотрел на него.

- Не спешите радоваться. Мы только что произнесли две версии, ни одна из которых пока не имеет доказательств.

Мартин отвёл взгляд от листа. Он чувствовал, что старший инспектор намеренно не позволял ему задерживаться на первой удачной мысли. Возможно, это и было частью обучения: не дать любопытству превратиться в уверенность раньше, чем появятся основания.

- Сэр, вы не возражаете, если я запишу расположение этих отметок?

- Для этого у вас и есть блокнот.

Мартин сделал несколько коротких заметок. Он не стал перерисовывать весь лист, а отметил только места, где встречался треугольник, и соседние слова. Закончив, он убрал карандаш и отступил от стола.

У кровати стоял небольшой чемодан. Он был закрыт, но не заперт. Беннетт осмотрел его с разрешения местного комиссара, прежде чем приподнять крышку. Внутри лежали две смены белья, бритвенные принадлежности, пара книг и аккуратно сложенный шарф. На дне обнаружился конверт с несколькими квитанциями.

- Для длительного путешествия вещей немного, - заметил Мартин.

- Для короткой поездки - достаточно, - ответил Беннетт.

- Но он собирался вернуться в Англию до конца месяца.

- Это мы знаем из его переписки. Пока не знаем, изменились ли его планы.

Мартин осмотрел полки шкафа. На одной лежали два старых журнала, на другой - небольшая коробка с пуговицами и нитками. В углу стояла трость с потемневшей рукоятью. Никакой очевидной улики, которая объяснила бы исчезновение Уитмора, в комнате не было.

И всё же в ней ощущалось отсутствие, которое не удавалось свести к простой пустоте.

Мартин остановился у письменного стола ещё раз.

Раскрытая книга была научным сборником на немецком языке. Несколько страниц загибались у верхнего угла, а возле одного абзаца стояла тонкая карандашная черта. Мартин не стал брать книгу в руки.

- Фрау Краузе, - спросил он, - вы помните, видел ли кто-нибудь господина Уитмора после девятнадцатого октября?

Женщина, стоявшая у двери, покачала головой.

- Нет. Я спрашивала у соседей. Никто не помнит, чтобы он выходил из дома на следующий день. Но это ничего не доказывает. Утром я занята на кухне, а постояльцы могут уйти, не попадаясь мне на глаза.

- Он оставил вам деньги за комнату?

- Заплатил до конца месяца. У него не было долгов.

- А вы не заметили, чтобы он собирал вещи перед тем вечером?

- Нет. Но саквояж стоял у стены и до этого. Он не был из тех людей, кто разбирает вещи по всему дому.

Беннетт закрыл чемодан и выпрямился.

- Думаю, на сегодня достаточно. Мы заберём копии документов, которые уже находятся у полиции, и вернёмся после разговора с владельцем книжной лавки. Возможно, он вспомнит что-нибудь, чего не заметил в первый раз.

Фрау Краузе кивнула, хотя на её лице не появилось облегчения. Она, вероятно, надеялась, что полиция задаст несколько вопросов, найдёт очевидный ответ и вернёт её привычную жизнь. Но расследование, как понял Мартин, редко начиналось с ответа. Чаще оно начиналось с того, что люди уставали ждать его.

Когда они вышли на улицу, дождь почти прекратился. Над крышами висела низкая серая пелена, а в стоках вдоль мостовой ещё бежала вода. На противоположной стороне улицы мальчик в слишком большом пальто катил обруч, обходя лужи с такой серьёзностью, словно от его точности зависело движение всего города.

Беннетт застегнул пальто.

- Что вы думаете?

Мартин ответил не сразу. Он хотел сказать, что Уитмор не собирался исчезать, что оставленная одежда и раскрытая книга указывали на внезапный уход, что карандашные треугольники могли быть ключом к его последним действиям. Все эти мысли уже выстроились у него в голове, одна за другой, приобретая вид стройной версии.

Но затем он вспомнил слова инспектора: не ищите тайну там, где пока есть только отсутствие ответа.

- Я думаю, что пока мы знаем слишком мало, сэр, - сказал он наконец. - Уитмор оставил комнату в порядке. Его вещи остались на месте. По словам хозяйки, он не выглядел испуганным и не говорил, что собирается уезжать. Но мы не знаем, вышел ли он из дома после девятнадцатого октября, встречался ли с кем-то и почему не забрал заказанную книгу.

Беннетт внимательно посмотрел на него. Впервые за день в его лице появилось что-то похожее на удовлетворение.

- Хорошо. Это не ответ, но это начало расследования.

Он двинулся по улице, и Мартин поспешил следом.

- Сначала книжная лавка, - продолжил инспектор. - Потом университетская библиотека. Если Уитмор действительно занимался переводами научных текстов, там могли остаться записи о его работе. Мы проверим людей, с которыми он общался, и выясним, кому принадлежала заказанная книга. Не будем решать заранее, что исчезновение было добровольным, и не будем объявлять его преступлением только потому, что оно выглядит странно.

- А если он уехал из города под чужим именем?

- Тогда нам понадобятся доказательства.

- Если его кто-то заставил?

- Тоже доказательства.

- А если…

- Айзен.

Мартин замолчал.

Беннетт остановился у перекрёстка и повернулся к нему. Ветер поднял край его пальто, и на мгновение он показался старше, чем был на самом деле: не из-за возраста, а из-за привычки смотреть на мир так, будто тот слишком часто подводил людей, которые доверяли первым впечатлениям.

- Вы хотите, чтобы у этого дела была разгадка, - сказал он. - Это естественно. Но желание найти ответ ещё не означает, что вы готовы его увидеть. Ваша работа - не придумать историю, которая объяснит исчезновение. Ваша работа - установить, что произошло.

Мартин выдержал его взгляд.

- Я понимаю, сэр.

- Пока нет. Но, возможно, поймёте.

Инспектор продолжил путь.

Мартин последовал за ним, крепче прижимая к боку блокнот. Он был разочарован тем, что не нашёл в комнате очевидного ключа, и одновременно испытывал странное воодушевление. Перед ним лежало дело без ясного начала и без видимого конца. Человек исчез, не оставив ни признания, ни угрозы, ни даже беспорядка, который мог бы рассказать за него часть истории.

В этом было нечто тревожное.

Мартин ещё не знал, что иногда отсутствие следов говорит не о мастерстве того, кто их скрыл, а о недостаточности тех, кто ищет. Не знал и того, что аккуратно составленная версия может оказаться опаснее самой грубой ошибки, если человек полюбит её прежде, чем проверит.

Пока он был всего лишь молодым полицейским, прибывшим в чужой город вместе с опытным инспектором. У него не было громкого имени, привычки к одиночеству или той тяжёлой уверенности, с которой позднее он будет входить в комнаты, где другие видели только хаос. У него были блокнот, хорошая память, знание немецкого языка и убеждение, что внимательный ум способен добраться до истины, если не пропустит ни одной важной детали.

Это убеждение ещё не раз поможет ему.

И ещё не раз заведёт не туда.

На углу улицы Беннетт свернул к книжной лавке, вывеска которой покачивалась под остатками ветра. За мутным стеклом виднелись тесные ряды книг, сложенных на полках почти до самого потолка. Мартин остановился на мгновение, чтобы прочитать надпись на вывеске, затем открыл блокнот и проверил дату последнего подтверждённого появления Уитмора.

Девятнадцатое октября.

Впереди была лавка, университетская библиотека и люди, которые могли помнить исчезнувшего англичанина по совершенно разным причинам. Пока ни одна из этих причин не была известна.

Мартин убрал блокнот в карман.

- Идёмте, - сказал Беннетт.

И они вошли внутрь.

Глава вторая

Часть первая. Книжная лавка господина Фогеля

Колокольчик над дверью прозвенел негромко, почти робко, когда Мартин Айзен и инспектор Беннетт вошли в книжную лавку.

Внутри было теплее, чем на улице, и пахло старой бумагой, клеем, пылью и углём, который тлел в небольшой чугунной печи у дальней стены. Этот запах отличался от привычного запаха библиотек: здесь книги не стояли в почтительном безмолвии, ожидая читателя, а жили собственной, беспокойной жизнью. Их приносили, покупали, возвращали, перекладывали с места на место; одни годами пылились на верхних полках, другие не успевали провести на витрине и одного дня. На столе возле окна высилась стопка непроданных журналов, а у стены стояла стремянка, прислонённая к шкафу с такими высокими полками, что верхние ряды почти скрывались под потолком.

За прилавком сидел пожилой мужчина в круглых очках. Он читал газету, придерживая её двумя пальцами, и, услышав колокольчик, не сразу поднял голову. Только когда посетители приблизились, он сложил газету, снял очки и посмотрел на них с выражением человека, который заранее готовился к неприятному разговору.

- Чем могу помочь, господа?

Беннетт представился и объяснил причину визита. При имени Эдварда Уитмора книготорговец едва заметно поморщился, словно услышал нечто, чего давно ожидал, но всё равно надеялся избежать.

- Опять этот несчастный англичанин, - произнёс он. - Я уже рассказывал о нём местному комиссару.

- Комиссару Фогелю? - уточнил Беннетт.

- Да. Господину Фогелю. Он приходил на прошлой неделе, задавал примерно те же вопросы.

- Тогда, вероятно, вы сможете ответить на наши быстрее, - заметил Беннетт. - Мы не собираемся отнимать у вас весь день.

Книготорговец посмотрел на него поверх очков.

- Если бы все полицейские так говорили, я, возможно, относился бы к вам с большим расположением.

- А если бы все книготорговцы отвечали на вопросы без жалоб, - сухо ответил Беннетт, - мы оба могли бы закончить работу раньше.

На мгновение Мартину показалось, что старший инспектор и хозяин лавки знакомы уже много лет. Их обмен репликами был лишён настоящей неприязни, но в нём чувствовалось взаимное недоверие людей, каждый из которых считал чужую профессию необходимой и одновременно чрезмерно утомительной.

Книготорговец всё-таки улыбнулся.

- Что ж, спрашивайте. Только прошу вас не заставлять меня вспоминать то, чего я не помню.

- Именно этого мы и постараемся не делать, - сказал Беннетт.

Он достал из внутреннего кармана записную книжку, но не раскрыл её. Мартин заметил этот жест. Инспектор умел производить впечатление человека, которому необязательно записывать каждое слово, чтобы ничего не забыть. Мартин же, напротив, предпочитал фиксировать даже то, что казалось незначительным: он ещё не научился доверять собственной памяти настолько, чтобы позволить ей оставаться единственным хранилищем фактов.

- Начнём с простого, - продолжил Беннетт. - Когда господин Уитмор впервые появился у вас?

Книготорговец нахмурился, мысленно перебирая посетителей.

- В начале октября. Точного числа не назову. У меня бывает много людей, особенно в начале учебного семестра. Студенты, преподаватели, приезжие. Но англичанина я запомнил.

- Почему?

- Он говорил по-немецки хорошо, но с заметным акцентом. И книги выбирал не так, как большинство моих покупателей.

Мартин чуть подался вперёд.

- Что вы имеете в виду?

- Студент обычно приходит с определённой целью. Ему нужен учебник, сборник задач, издание, которое рекомендовал преподаватель. Он спрашивает, есть ли книга в наличии, сколько она стоит, можно ли заказать другой экземпляр. Господин Уитмор мог провести у меня полчаса, перебирая совершенно разные издания. Иногда он спрашивал о книге, которой у меня не было, а потом неожиданно покупал что-нибудь совсем другое.

- Он искал редкие книги? - спросил Мартин.

- Иногда. Но не всегда. Скорее, он искал определённые тексты. Для него было важно не только название, но и издание, год публикации, состав сборника. Однажды он попросил показать два экземпляра одной работы, хотя различие между ними, насколько я мог судить, заключалось лишь в предисловии и нескольких исправлениях.

- Вы помните, что это была за работа?

- Нет. Я торгую книгами, господин Айзен, а не веду каталог каждого разговора с покупателем.

Мартин почувствовал, что его вопрос был слишком прямым. Он хотел сразу получить название, которое позволило бы соединить книжную лавку с бумагами из комнаты Уитмора, но книготорговец не обязан был хранить в голове чужие покупки. Это было очевидно. И всё же Мартин поймал себя на раздражении - не на собеседника, а на медленность, с которой расследование соглашалось двигаться.

Он открыл блокнот и записал: Выбирал книги по изданию, а не только по названию. Интересовался научными текстами.

- Девятнадцатого октября, - сказал Беннетт, - господин Уитмор приходил к вам?

- Да. В тот день я видел его в последний раз.

- Вы уверены в дате?

- Вполне. В тот вечер у меня была поставка, и я помню, что часть книг ещё стояла в ящиках. Он пришёл ближе к концу дня, когда я уже собирался закрываться.

Книготорговец поднялся из-за прилавка и подошёл к одному из шкафов. Его шаги были неторопливыми, но в движениях чувствовалась привычка ориентироваться в тесном пространстве, где каждый предмет имел своё место. Он провёл пальцем по корешкам нескольких книг, затем вытащил тонкую тетрадь с потёртой обложкой.

- Я записываю особые заказы, - пояснил он. - Не каждую продажу, разумеется. Но если человек просит отложить книгу или найти редкое издание, я делаю пометку. Иначе при таком количестве покупателей можно что-нибудь перепутать.

Он открыл тетрадь и несколько секунд листал страницы. Бумага была пожелтевшей по краям, а записи, выполненные чернилами, перемежались карандашными пометками. Наконец книготорговец остановился.

- Вот. Девятнадцатое октября. Эдвард Уитмор. Два приобретения и один заказ.

Он повернул тетрадь к Беннетту.

Инспектор прочитал запись, затем передал её Мартину.

Первой была книга по истории европейской науки. Второй - немецкое издание труда по математике. Третья позиция значилась как сборник математических статей, который книготорговец должен был отложить для покупателя после получения из другого города.

- Это та книга, за которой он не вернулся? - спросил Мартин.

- Да. Я ждал её несколько дней. Посылка задержалась, и книга пришла позже, чем я рассчитывал. Я отложил её, как обещал, но господин Уитмор больше не появлялся.

- Когда именно она пришла?

Книготорговец нашёл ещё одну запись.

- Двадцать второго октября. Я пометил, что заказ получен.

Мартин быстро посмотрел на Беннетта.

Если Уитмор исчез девятнадцатого октября, то книга, которую он заказывал, появилась в лавке лишь три дня спустя. Само по себе это ничего не объясняло. Но теперь у них имелась конкретная дата, которую можно было проверить по другим обстоятельствам.

- Вы отправляли ему сообщение? - спросил Беннетт.

- Нет. Он не оставлял адреса, по которому я мог бы написать. Мы договорились, что я сохраню книгу до конца месяца. Если покупатель не приходит за заказом, я не обязан разыскивать его по всему городу.

- Разумеется. А вы не помните, почему он заказал именно этот сборник?

- Он сказал, что ему нужен определённый текст. По-моему, одна из статей была посвящена основаниям математики, но я не стану утверждать это наверняка. Сборник был составной, там имелось несколько работ разных авторов.

- Он назвал автора?

Книготорговец покачал головой.

- Возможно. Я не помню.

Беннетт ничего не ответил и сделал запись в своей книжке.

Мартин же вновь посмотрел на строку, где значилось название сборника. Ему хотелось спросить, почему Уитмор интересовался математическими трудами, если был переводчиком научных текстов. Но он вовремя остановился. Эти занятия не противоречили друг другу. Более того, человек, переводивший научные работы, вполне мог интересоваться историей науки и математикой.

Он зачеркнул в блокноте начатую фразу, которую сам не заметил, как написал: Уитмор занимался математикой.

Вместо неё записал: Уитмор покупал и заказывал математические издания. Характер его занятий не установлен.

Это была маленькая поправка, почти незаметная для окружающих. Но Мартин почувствовал, что она потребовала от него большего усилия, чем могла бы потребовать простая запись даты.

- Был ли он один? - спросил Беннетт.

Книготорговец задумался.

- Когда вошёл - да, насколько я помню. Но в лавке находились ещё двое покупателей. Один из них ушёл почти сразу. Второй задержался у полки с историческими сочинениями.

- Вы видели, чтобы кто-нибудь разговаривал с Уитмором?

- Нет. По крайней мере, ничего такого не запомнил.

- А за ним никто не наблюдал? Не стоял ли кто-нибудь у окна или напротив лавки?

Книготорговец посмотрел на инспектора с недоумением.

- Господин Беннетт, это книжная лавка, а не театр. Люди входят, рассматривают книги, разговаривают, уходят. Я не слежу за каждым человеком, который проходит мимо окна.

- Я понимаю. Но постарайтесь вспомнить не то, что казалось необычным тогда, а то, что вы могли бы заметить, если бы знали, что этот день окажется важным.

Книготорговец снял очки и протёр их краем жилета. В лавке на мгновение стало слышно, как потрескивает уголь в печи и как за стеной кто-то передвигает тяжёлый предмет по полу.

- Нет, - сказал он наконец. - Не могу вспомнить ничего такого. Если бы господин Уитмор с кем-нибудь поссорился, если бы кто-то угрожал ему или следил за ним, я бы, вероятно, заметил. Но ничего подобного не было.

- Он выглядел расстроенным?

- Нет.

- Торопился?

- Кажется, нет.

- Задавал необычные вопросы?

- Не более необычные, чем прежде. Он спросил, когда придёт заказанный сборник. Я ответил, что не могу назвать точный день. Он сказал, что подождёт.

- И всё?

- И всё.

Ответ был разочаровывающе простым.

Мартин взглянул на Беннетта, ожидая увидеть на лице инспектора ту же досаду, которую испытывал сам. Но Беннетт лишь закрыл книжку и поблагодарил книготорговца.

- Вы нам очень помогли.

Тот, казалось, удивился.

- Я ведь ничего нового не сказал.

- Вы подтвердили дату последнего появления Уитмора, показали запись о заказе и назвали день, когда книга поступила в лавку. Иногда это и есть новая информация.

Книготорговец вновь надел очки.

- Если вам понадобится что-нибудь ещё, приходите. Я буду здесь.

Беннетт кивнул и направился к выходу. Мартин задержался у прилавка на несколько секунд.

- Скажите, господин… - Он посмотрел на имя, написанное на табличке возле кассы. - Господин Келлер, вы сказали, что Уитмор выбирал книги не так, как другие покупатели. Вы помните, он когда-нибудь спрашивал о книгах, которых ещё не существовало в продаже? Например, о рукописях или неопубликованных работах?

Келлер внимательно посмотрел на молодого англичанина.

- Нет. Он спрашивал о редких изданиях, но это другое. Рукописи интересовали его не больше, чем меня. По крайней мере, он никогда не говорил об обратном.

Мартин кивнул.

- Спасибо.

Он вышел вслед за Беннеттом, оставив за спиной тепло печи, шорох страниц и запах старой бумаги.

Снаружи ветер стал сильнее. Над улицей медленно проплывали серые облака, и редкие прохожие поднимали воротники пальто. Беннетт остановился возле витрины, достал часы и проверил время.

- Что вы вынесли из разговора? - спросил он.

- Уитмор действительно был здесь девятнадцатого октября. Он заказал математический сборник, который поступил двадцать второго, и не вернулся за ним. Книготорговец не заметил ничего необычного в его поведении и не помнит, чтобы тот с кем-либо разговаривал.

- Хорошо. Что ещё?

Мартин помедлил.

- Келлер запомнил его не только потому, что он был англичанином. Уитмор выбирал книги по конкретным изданиям и текстам. Возможно, для него имело значение что-то, чего не замечал обычный покупатель.

- Возможно, - согласился Беннетт. - Но мы пока не знаем, что именно.

Он убрал часы.

- Следующая остановка - университетская библиотека. Посмотрим, что там сохранилось от его работы.

Мартин ещё раз взглянул на витрину. За стеклом, среди аккуратно расставленных книг, стоял раскрытый том, подпёртый деревянной подставкой. Свет падал на страницы под косым углом, и строчки казались ему тонкими, почти чёрными нитями, переплетёнными в сложный узор.

На мгновение ему подумалось, что расследование похоже на чтение незнакомой книги: нельзя понять смысл страницы, вырвав из неё одну строку. Но в отличие от книги, у человеческой жизни не всегда находилось оглавление, а самые важные страницы порой отсутствовали вовсе.

Он отвернулся от витрины и пошёл за инспектором.

Впереди их ждала библиотека, где Эдвард Уитмор провёл последние известные часы своей обычной жизни. И если книжная лавка сохранила лишь дату покупки и невостребованный заказ, то библиотека, возможно, могла рассказать больше - не о том, что исчезнувший человек приобрёл, а о том, над чем он работал и к чему пытался прийти.

Мартин пока не знал, что именно они найдут. Но впервые с момента прибытия в Гёттинген у него появилось ощущение, что расследование начинает приобретать очертания - пусть пока столь же зыбкие, как линии карандаша на полях чужой книги.

Часть вторая. Тишина университетской библиотеки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.